

ты — меня

Андрей Диченко

Вспомни, Господи, сынов Эдома в день Иерусалима, говорящих: «Разоряйте, разоряйте до оснований его». Дочь Вавилона злосчастная, блажен, кто воздаст тебе возмездие твоё, которым ты воздала нам; блажен, кто схватит и разобьёт младенцев твоих о камень!

Псалом 136

Коль скоро мир движется к бредовому положению вещей, и мы должны смещаться к бредовой точке зрения. Лучше погибнуть от крайностей, чем от отчаянья.

Жан Бодрийяр

Посвящается Ярославе Голянтовой

СОДЕРЖАНИЕ:

Редактор: Алесь Суходолов

Корректоры: Алесь Суходолов, Наталия Чернышева,

6

Ольга Гуд

Верстка: Юлия Янюк

Иллюстрация обложки: Михаил Радьков

Дизайн обложки: Алексей Волынец

Против оргии	8
Красная баронесса	11
Бабушка Аня	
Польский творожок	
Комитет по расстрелу поэтов	31
Коллективный разум человечества	
Марыся, чернобровушка моя	
Рим	
Убийцы невест	
Ангар	
Беседы	
Бийская принцесса.	
Генетика	
Голова Ивановой	
Дед	
Деловое предложение	
Ильич	
Живорождение	
Квамания	
Корпорация наслаждений	136
Монолог Митяя	
Первая	
Случай на лекции	

Против оргии

Известный философ-постмодернист Бодрийяр определил сегодняшнее время как состояние «после оргии». Человек сегодня присутствует при конце истории. Мы пост-люди прошли все пути производства и латентного сверхпроизводства вещей, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена — все освобождено. Что остается делать нам?

Поколению, у которого нет Родины, нет Истории, нет Великой Депрессии, нет Великой Войны?

Нам остается лишь воспроизводить оргию и освобождение, имитировать, притворяться, жить в иллюзиях, которыми нас пичкает средства массовой коммуникации. Мы бежим в пустоту, история позади нас, мы не творцы, мы зрители. Мы смотрим спектакль. Мы «общество спектакля», мы не живые и не мертвые, нас нет.

Вакуум... Экзистенциальный вакуум — «Квамании». Где люди уже не способны осознать себя. Алкоголь — средство от этого душераздирающего ощущения заброшенности и никчемности, следствие — деградация, падение до уровня жабы и равнодушие остальных. Замкнутый круг отчужденных отношений.

Пустота... бл..дь, нужен святой, фатальность ничто,

даже голос чужероден. Но придет она — живая, с ней пустота и выблюет нового Алешу Карамазова, Мамлея, Мышкина. «Живорождение» пустоты, очередного симулякра. Нервозность будней.

Тоталитарный Капитализм, помещающий реальность за стекло. Отчуждение здесь обретает абсолютный статус. Уже нет хозяев у производства, все в спектакле. Капитал охвативший всю землю все области существования человека, стал самодостаточной автономной субстанцией. Машина желаний — психика современного человека (Делезовского шизофреника) работает по аналогии с производством. «Корпорация желаний» поглотит и уничтожит всех. БДСМ-революция...

Можем ли мы осознавать наши желания в условиях постмодерновой ситуации и даже более того, можем ли мы обладать сознанием? Вот основной вопрос современности. В этой ситуации может быть только два выхода: в первом случае нас ожидает свобода, мир, где мы сами сможем контролировать все сферы своей жизни. В другом — общество спектакля, состоявшихся шизофреников «Корпорация желаний», в которой капитал созерцает сам себя в им же созданном мире, мы исчезнем вообще, даже как зрители.

Поведение человека становится непредсказуемым и абсурдным как в «Случае на лекции». Окружающее деперсонализирует и все крутится в эпилиптоидном калейдоскопе. И «Разум коллективного человечества» регрессирует до «Деловых предложений» метафизического абсурда.

Сартр как то сказал что литература это «суррогат действительности». Но он жил в другое время. Сегодня, где по мнению модного философа Жижека, «Кино — дает вам то, что вы желаете, оно говорит вам как желать», сама реальность стала «суррогатной». Иллюзия

сегодня реальней реальности, отказаться от нынешних иллюзий — отказаться от самой реальности.

Мы уходим от тяжёлой реальности в фантазии, а, не вытерпев фантазий, снова уходим в реальность. Если ты хочешь выбраться из этого абсурда (как Нео из «Матрицы») и понять суть эпохи, в которой живешь, эта книжка для тебя. Читай и разрушь колесо Сансары. Андрей Диченко выводит новою армию из своих страниц, как в свое время Хлебников. Подъебывая всю пошлость и отчужденность наших «бесед» и игр в жизнь. Обличающий оргию и эта армия либо проиграет, либо победит. Но важно не это, важно осознать и понять, а дальше дело экзистенции. Кто ты? Тварь дрожащая или право имеешь?

Алексей Карамазов, катакомбный философ

Красная баронесса

Несмотря на то, что Пашке было всего 11 лет, он совершенно не боялся теплыми весенними вечерами бродить по Минску. Каждый раз после школы он приходил домой, бросал портфель и уходил гулять по центру и окраинам белорусской столицы.

Мама с папой ничего по этому поводу Пашке не говорили и как-то ограничивать свободу мальчугана не собирались. Пашу берегли дымовые приведения.

Сам Паша всегда называл их «духами». Они иногда приходили ночью к Пашке, когда он лежал под одеялом и, упершись головой в подушку, смотрел в потолок с осыпавшейся побелкой.

Никогда дверь в комнату мальчика не закрывали: Паша плакал, когда упрямая бабушка пыталась неслышно закрыть ее после прочтения нескольких глав из «Незнайки». Сам же мальчик к двери никогда не прикасался и говорил, что нельзя ее закрывать, ибо дымовые приведения тогда не смогут улететь, а если будут вечно прозябать в пространстве четырех стен, то станут непременно злыми и начнут творить всякие гадости.

Папа Павла — усатый инженер Сергей Петрович — на происходящее не обращал внимание. Мама же в

минуты отчаяния, опасаясь за будущее своего ребенка, предлагала сводить ребенка к врачам:

- Ну, Сергей, вдруг он болен, и что нам с ним тогда делать потом, если запустить его болезнь? говорила расстроенная мама. Сергей Петрович ковырялся отверткой в радиоприемнике и курил сигарету. А вдруг это клаустрофобия? И как с этой пат... птал... патологией жить он будет?
- Да успокойся ты... басовито и уверенно отвечал глава семейства и, подняв разобранный приемник, принялся деловито его рассматривать. Перерастет он этих призраков своих.

Разговоры эти велись перед сном. Мать вышла в коридор и аккуратно заглянула в Пашину комнату, свет в которую проникал тонким лучиком из коридора. В темных красках ночи Паша выглядел умиротворенным. Не закрывая двери в его комнату, мама ушла в зал и, выпив перед сном чашку чая, отправилась в спальню.

- Привет! радостно сказал сонный Паша. Как это часто бывало, мальчик просыпался глубокой ночью. Дымовые призраки никогда не отвечали. Появляясь максимум несколько раз в месяц, они витали над ребенком и были похожи на сплетение автомобильных шин, окруженных черными клубнями таинственного дыма. Паша потянул к ним свои ручонки, пытаясь пощупать эти странные испарения, которые призраки непрерывно источали.
- Духи вы мои, духи! сказал Паша. А дымовые призраки тем временем принялись водить хоровод над Пашиной головой. В его светлый, не замутненный пороками взрослого мира разум начали проникать слова и даже целые фразы. До этого только ему заметные существа просто клубились над ним и, так ничего и не сделав, исчезали.

Паша думал, что они берегут его, хоть и совсем не похожи на тех крылатых ангелов, про которых отец Алексий рассказывал ему в воскресной школе. Мама Паши надеялась, что священнослужитель изгонит из Паши все эти странности и отдала его на поруки церкви.

Каждое воскресенье Паша внимательно слушал наставления отца Алексия, но только речь заходила о бесах и тварях языческих, как на лице ребенка вместо праведного испуга появлялась кроткая улыбка: дымовые духи были вовсе не такими. Да и вообще приходили они совершенно из других измерений, где Бог был истиной в абсолюте, и тамошний разум не испытывал в этом сомнений.

«Красная баронесса проложит дорогу в мир огня», — донеслась первая фраза от одной из дымящихся сущностей. Шиноподобные силуэты призраков то расширялись, то сужались. И было ощущение, что призраки таким образом дышали во время передачи информации. Каждое сокращение их астральных тел знаменовало собой прием новой порции данных.

— Какая еще баронесса? — с негодованием вопрошал Паша. Хотя он и слыл умным и смышленым, но упорно не понимал, что конкретно духи пытались ему донести.

Духи проигнорировали вопросы Паши и исчезли. В комнату забежала мама. Как всегда, она услышала, что Паша ночью разговаривал.

- Сынуля, у тебя все хорошо? спросила мама. Пашка же отвернулся на другой бок и, расстроенный, ответил «нормально». Но родную маму провести было невозможно.
- Ну, что случилось у тебя? Они опять приходили и обидели тебя? мама присела на угол кровати и принялась гладить Пашу по его мягким белым волосам.
  - Не обижают они... резко ответил Паша. Он ис-

кренне удивлялся, почему мама думает, что его кто-то должен был обидеть.

- Да ведь тебя же взволновало что-то... заботливо произнесла мама. Несмотря на всю ее душевную тревогу, рядом с Пашей она вела себя предельно спокойно и излучала лишь чувство безграничной материнской любви.
- Они сказали какую-то ерунду и улетели... ответил сонным голосом Паша и сладко зевнул. Через несколько минут он уже погрузился в состояние сна. Мама же, устроившись рядом с храпящим супругом, еще полночи думала о череде этих странных явлений и терзала себя: в чем она виновата и почему страдает ее любимый сын?

Вскоре наступило утро понедельника. Саша уже и забыл про визит ночных гостей и, покушав каши и выпив бодрящего черного чая, одел легкую весеннюю куртку. Закинув портфель на плечи, спешным шагом он двинулся в школу.

Просидев пять уроков, Паша получил несколько хороших оценок и пометку об удовлетворительном поведении. Затем мальчик вернулся домой и посмотрел, что из домашнего задания ему нужно было сделать. Переодевшись, Паша подождал, пока на обед придет мама. Вместе с ней он покушал и, как всегда, отправился в свои городские странствия. Из вещей он взял только проездной и мобильный телефон, чтобы не беспокоились родители.

Паша смотрел из окна троллейбуса на людей и проезжающие машины, разглядывал номера домов и названия улиц. Иногда слушал голоса, что доносились из динамиков и призывали не оставлять включенными электроприборы.

Весенний Минск казался ему жизнерадостным. Ды-

шалось легко. Только люди совсем не улыбались и прятались друг от друга. Толкались, не замечая прохожих. Курили сигареты и отводили в сторону глаза. Тихо смеялись и шептали друг другу теплые слова, которые следовало бы прокричать на весь мир.

Пересев на какой-то автобус, Паша забрался на свободное кресло и вновь принялся смотреть в окно. Слева от него был ресторан быстрого питания и большой гипермаркет. Возле объекта торговли, как всегда, было много машин и злых водителей. Все они давили на клаксоны и что-то кричали друг другу. Мальчика это забавляло, и он улыбался. Скоро наступит вечер, а за ним и сумерки.

Но отчего-то Паша почувствовал себя неловко. Он осмотрелся по сторонам и заметил, что всего в нескольких сиденьях от него сидит рыжеволосая бабушка в черной шляпе, которая подозрительно на него пялится. Ее демонические глаза сияли злобой, и никакая улыбка не могла этого сокрыть. Паше даже показалось, что сейчас все люди исчезнут из салона автобуса, и он останется с ней здесь один на один. Красная баронесса смотрела на него, будто хотела одним махом поглотить его вместе с душой.

Когда их взгляды встретились, баронесса игриво подмигнула глазом, а напуганный Пашка вскочил со своего сиденья и пулей рванул к выходу, растолкав нескольких взрослых у дверей автобуса.

У метро Паша перекрестился на купола возвышающейся рядом церкви и оглянулся назад. Несмотря на то, что красной баронессы видно не было, он все равно бегом побежал ко входу на станцию «Немига».

Заскочив в вагон поезда, он немного отдышался. Но чувство того, что баронесса следит за ним и хочет обагрить детской кровью свои пышные волосы, его не покидало.

Паша вышел на «Купаловской» и решил перейти на «Октябрьскую», дабы спрятаться под мостом-переходом между станциями. И утром, и вечером там всегда было многолюдно, а значит красная баронесса не сможет его похитить. Легко лавируя между грузными телами взрослых, Пашка встал под лестницей. Возле него стояла девушка с плеером и усталого вида мужчина с красной розой в руках. Чуть поодаль два парня в футболках беседовали о чем-то своем, обильно жестикулируя.

Внезапно на Пашку снизошло озарение. Он упал на колени, и его стошнило. Один из парней подорвался, чтоб приподнять упавшего мальчика, остальные в растерянности лишь наблюдали. В это мгновение Паша перестал видеть реальный мир. Пространство станции стало для него большой и темной коробкой, по которой курсировало создание с большим целлофановым пакетом. В нем же хранилось превращенное в куклу тело красной баронессы. Размахивая руками в пустоте, мальчик видел, как сияющий лик этой куклы медленно приближается к нему.

Вдруг в этом темном квадрате загорелись огоньки. Это были люди. Все больше и больше огоньков озаряли свечением пустоту. 15, 20, 50, а потом и все 300. Паша не успевал уследить за ними и, тем более, не понимал, чего от них ожидать.

А кукла в пакете в руках у странного человекоподобного существа все приближалась и приближалась. И в один момент она остановилась, замерев в пространстве. Создание же направилось напрямую к Паше.

Мальчик принялся бить кулаками в землю, но чьи-то невидимые руки не давали ему двигаться вперед и уж тем более что-либо предпринять.

— Помогите! — крикнул он в пустоту. В ответ кукла красной баронессы залилась блудным смехом и при-

нялась обрастать волосами. Где-то далеко из внешнего мира послышался звук приближающегося поезда. Щеки куклы надулись, и сама она приняла неправильную форму астероида — спутника Марса Фобоса.

- Уйди отсюда прочь, тварь! завизжал Паша, но было уже поздно. Превратившись в сплошной клок шерсти, голова разлетелась на части, и тут же десятки огоньков перемешались. Откуда-то из иных миров появились армады дымовых привидений и принялись хватать огоньки, унося их с собой. Огоньки пытались вырваться, ярко вспыхивали, но перегорали, и их остаточное красное свечение сопровождало дымовых призраков на их пути в пустоту.
- Вы обманщики! крикнул Паша, и внезапно его голос отразился в пустоте и содрогнул это лишенное жизни пространство.
- Вы только отражение жизни! крикнул он вслед дымовым призракам, уносящим огоньки. Оставьте их здесь!

Один из призраков повиновался Пашиному приказу и вернул огонек обратно. Немного полежав, тот вновь разгорелся и радостно заметался.

Собрав все свои последние силы, Паша оторвался от земли. Лавируя между сотнями летающих дымовых призраков, он принялся возвращать огоньки в пространство бытия.

...Пораженные взрывной волной, оглушенные люди постепенно выбирались из объятой дымом и паникой станции метро. Сраженные и подавленные, они не обращали внимания на тех, чьи огоньки уже никогда не вернутся в свои обезображенные тела.

Паша же ради спасения предал свою душу пустоте и за мгновения до своего разрушения поклялся преследовать красную баронессу всюду, где только может существовать энергия.

Бабушка Аня

Завершив учебный год с хорошими оценками, Наташа, как всегда, отправлялась на лето в деревню к бабушке. Закончив уже восемь классов, она была абсолютно самостоятельной девочкой, поэтому просто собрала все нужное в свой походный рюкзак и с первыми лучами солнца пешком отправилась к витебскому автовокзалу.

Петляя между пятиэтажных «хрущевок» с облезлой штукатуркой, она вышла к площадке с автобусами. Перебежав дорогу, девочка попала на территорию этой областной базы автотранспорта. Несмотря на столь ранний час, возле билетных касс и на платформах околачивались люди. Туда-сюда ездили автобусы самых разных цветов и моделей.

Встав возле входа, она запрокинула голову вверх, слегка прищурившись, посмотрела на вывеску «Витебск» на башенке и, улыбнувшись, прошептала: «Пока, мой любимый город! Приеду обратно через месяц».

Открыв тяжелую деревянную дверь, покрытую давно облупившейся желтой краской, Наташа зашла в полумрачное помещение автовокзала. Пахло пирожками с капустой, сыростью, человеческим потом и черт знает чем еще. Справа, как обычно, стояла какая-то нищая старуха, завернутая, несмотря на теплую погоду, в пу-

ховый платок. Она вытягивала вперед короткую руку, в которой держала грязный полиэтиленовый пакетик для милостыни. Наташа прошла мимо, стараясь не глядеть в сторону нищенки. Внутри людей было значительно больше, чем снаружи. Они сидели на старых, исцарапанных матерными словами и бесчисленными именами скамейках. Кто-то спал, другие же пили пиво и лузгали семечки, сплевывая шелуху прямо на пол. Подойдя к окошку билетной кассы, девочка сказала:

— Мне, пожалуйста, билет до Крынок...

Затем она протянула несколько мятых купюр в окошко и надменно улыбнулась толстощекой и вульгарно накрашенной продавщице. Получив сдачу и крохотный билетик, она направилась ко второй платформе, где уже шатались без дела другие пассажиры районного рейсового автобуса. Среди них — умиротворенные пенсионеры, грустные граждане среднего возраста с кучей баулов и какие-то молодые люди в спортивных костюмах. Последние старались выглядеть крутыми и постоянно то курили сигареты, то плевались мимо мусорки.

Один из них, в белой кепке и с рассеченной бровью, осмотрел Наташу с ног до головы и, вероятно, не найдя в ней ничего для себя интересного, вернулся к разговору в своей компании. Девочка же положила свой рюкзачок на поломанную лавку и принялась разглядывать хмурые «икарусы» и вместительные «лиазы», которые то приезжали, то уезжали восвояси.

Вскоре к платформе подъехал старый «икарус», из кабины которого выскочил высокий худощавый водитель. Взяв в руки кипу каких-то бумажек, он направился в диспетчерскую. Люди же, вдыхая свежую порцию выхлопных газов, спешно запрыгивали в автобус, стараясь занять места у окон ради удовольствия лицезреть давно знакомые пейзажи.

Наташа последней зашла в полупустой салон и по привычке последовала на заднюю площадку, заняв обитое порванным дерматином кресло.

Вскоре автобус тронулся и направился за город, петляя по узким улицам и оставляя позади дома с запотевшими окнами, грустных людей и периодически шныряющих по дворам бездомных собак.

По пути автобус тормозил рядом с навесами иллюзорных остановок, от которых остались лишь кирпичные развалины, подбирал странного вида пассажиров и уступал дорогу мчащимся по областным магистралям легковым автомобилям. Пройдет еще двадцать минут, и он откроет свои двери напротив таблички «Крынки». Потом — два километра по песчаной дороге и первые покосившиеся деревянные дома деревни вместе с приятным запахом дров и сырости.

В мечтах о грядущем отдыхе Наташа не заметила, как быстро пролетело время, и вот уже перед ее взором встает знакомое кукурузное поле с бесхозной водонапорной башней, покрытой обширными пятнами ржавчины.

Опомнившись, Наташа подскочила, легким, парящим шагом подбежала к невозмутимому водителю и своим уже не детским, но по-прежнему робким голосом произнесла:

— Возле Крынок остановите, пожалуйста....

Водитель в ответ кивнул головой и слегка притормозил. Вскоре передняя дверь автобуса открылась, и Наташа спрыгнула на придорожную обочину. Помахав на прощание рукой водителю, она побрела по песчаной дороге, окаймленной с обеих сторон густым хвойным лесом.

Вскоре на горизонте показались первые хатки, и вместе с запахом гнили в воздух ненароком проникли ароматы тлеющих березовых углей. Казалось бы, после дол-

гой дороги Наташа должна была устать, но вид родной деревни будто открыл в ней кладезь неизведанных сил.

Шагая по центральной улице, Наталья разглядывала хатки. Во многих еще теплился свет — значит жизнь еще не покинула эти ветхие домашние очаги. А некоторые хаты были заколочены досками, и лишь один их внешний вид внушал подсознательный страх.

Вскоре она увидела знакомый домик, выкрашенный некогда зеленой олифой. Возле калитки стоял дедушка Арсений. При виде любимой внучки его морщинистое лицо расплылось в улыбке. Нащупав защелку, он спешно отворил калитку и, прихрамывая, пошел навстречу. Наташа, завидев деда, бегом направилась к нему, и вскоре они, обнявшись, стояли по центру утоптанной проселочной дороги.

- Как дела, деда? спросила девочка, крепко сжимая его шершавую рабочую руку.
- Да нормально, Наташка. Бабка только твоя что-то прихворала. Ну, пойдем в хату уже, а то простужусь еще, не дай Боже... Ветер сегодня, обняв внучку за плечо, он направился вместе с ней к дверям.

Уже в сенях послышался звон велосипедного звонка. Обернувшись, Наташа увидела местного паренька Ваньку.

- Привет, Наташка! крикнул он и помахал своей городской подруге рукой. Девушка улыбнулась и сделала рукой ответный жест.
- А бабушка где? растерянно спросила Наташа у деда, осматривая широкое пространство дома.
- В комнате бабка, отдыхает. Доктор приходил с райцентра, говорит, плохи дела. Вытянет, может, альбо не вытянет Богу тут одному видно только, дедушка тяжело вздохнул и отправился на кухню. Там стояло несколько ведер со зрелой красной клубникой. Ягоды будешь? спросил дед, обернувшись к Наталье.

- Только бабушку проведаю... робко ответила девочка и направилась к дальней комнате за белой дверью с облупившейся краской. Слегка приоткрыв дверь, гостья увидела дремлющую под байковым одеялом бабушку Аню. Ее седые волосы были распущены и растрепались по подушке. Наташа подкралась к бабушке и положила свою ладонь на ее горячий лоб. Бабушка вздрогнула.
- А, это ты, внученька!.. с радостью в томном голосе произнесла она и подняла веки. Наташа смотрела в выцветшие голубые глаза бабушки. Та попыталась приподняться, но самостоятельно это сделать у нее не получилось. Наташа помогла бабушке привстать.

Бабушка Аня хотела что-то сказать, но вместо слов из уст ее раздался громкий гортанный кашель, а белое одеяло усеялось оранжевыми капельками. От увиденного настроение Наташи резко ухудшилось. Бабушка заставила себя улыбнуться и несколько раз взмахнула ладонью. Вскоре показался дедушка. Он накрыл бабушку одеялом и перевернул чистой стороной подушку. Затем, взяв за руку Наташу, он увел ее на кухню.

Вдоволь поев клубники, девочка помыла керамическую тарелку и вышла прогуляться. Первым делом она решила пройтись к речке, где часто собирались ребята, чтобы искупаться и порыбачить, а, помимо этого, просто поболтать и потравить анекдоты.

К удивлению девочки, возле речки на берегу сидел один лишь Ванька. Он завороженно смотрел на воду и не услышал приближения гостьи. Наташа потрепала Ваню по заросшей светло-русой голове, от чего тот вздрогнул и резко обернулся, с облегчением вздохнув.

— Я уж подумал: чупакабра... — сказал Ваня и немного подвинулся. — Садись на мастерку!

Наташа присела рядом с мальчишкой и посмотрела ну бурлящую воду.

— А что такое чупакабра? — спросила она.

Ванька был на два года старше и любил книги, от чего беседовать с ним Наташе было всегда интересно.

— А зверь такой неизведанный. Чудовище. Оно выпивает кровь у кур всяких и кроликов... — рассказывая о некогда прочитанном, Ваня обильно жестикулировал, вызывая тем самым у девочки непринужденную улыбку.

За беседами, прислушиваясь к урчанию чистой речной воды, Наташа и Ваня просидели целый день, а потом, когда уже начало смеркаться и захотелось кушать, парень усадил девочку на велосипедную раму и отвез прямиком к ее дому. У входа на лавке сидел дед и курил папиросы.

— Здрасте, дедушка Арсений! — крикнул Ваня и резко затормозил.

Наташа спрыгнула, в то время как дед приветственно кивал головой, выпуская изо рта плотные клубни сизого дыма.

— Устала, небось? — спросил у внучки дедушка. — Кушать будешь?

На все вопросы девочка утвердительно кивала. Захлопнув двери, они вдвоем пошли на кухню, где стояла глубокая миска аппетитной вареной картошки, салат из зелени и поджаренное на жиру мясо.

- Как там бабушка? спросила девочка, попивая теплый черный чай из граненого стакана.
- Хворает старая... Ничего, поправится скоро! приободряюще произнес дед и отреченно посмотрел в окно, за которым не было видно ничего, кроме зазывающей ночной темноты. А ты давай спать уже иди, а то устала с дороги же, девочка моя...

Дед на сон грядущий поцеловал Наташу в лоб и проводил в комнату, где когда-то росла ее мама. В тесном помещении находилась пышная перина, старый дубо-

вый комод и пожелтевшие обои с тонкими полосками витиеватого узора.

Раздевшись, Наташа упала на мягкую кровать и закрыла глаза. Наступила полная тишина, ее нарушали лишь редкий собачий лай вдалеке и покачивание деревьев на ветру. Под эту мелодию девочка сомкнула глаза. Крепкий сон не заставил себя долго ждать.

Сначала была пустота безвременья, а потом Наташа, не покидая уз сна, оказалась в своей комнате. Все было так же, как и в часы бодрствования — только лишь узор на обоях излучал некое загадочное свечение. Страха не было. Внимание девочки переместилась ближе к ожившему узору. Оказалось, что это вовсе не набор геометрических фигур, как это было в реальности, а самая настоящая арабская вязь, которую Наташа отчего-то прекрасно понимала. Светящиеся завитки оказались фрагментами древнего писания, претендующего на сакральный статус.

«Путь будет очищен силами страждущего», «В поиске предела обретешь ты истину», «Алые знамения восхвалят победы Всевышнего в канун финальной битвы за Истину»...

Прочитав несколько надписей, Наташа внезапно услышала какое-то гортанное рычание, исходившее из глубин старого дома. Стараясь ступать по дощатому полу как можно тише, она приоткрыла деревянную дверь. На коленях стояла обнаженная бабушка Аня и что-то усердно шептала, закатив глаза. Дряблая, ее морщинистая кожа дребезжала, как выложенное на блюдце желе. Напротив нее стоял дедушка со старой алюминиевой ложкой, покрытой грязным рыжеватым налетом.

От удивления Наташа ойкнула. Дед встрепенулся от постороннего звука и, резво подскочив к двери, отворил

ее настежь. Присев на пятую точку, Наташа в ожидании наказания закусила нижнюю губу.

— Вот, бл..дь, молодежь же пошла! — злобно произнес дед.

Кряхтя, он нагнулся и схватил Наташу за волосы. Вскрикнув от боли, девочка принялась отбиваться от его руки ладошками, но это оказалось бесполезно. Дед протащил свою внучку на середину ковра и бросил рядом с медным тазом, на дне которого плавала смердящая жижа.

Наташа приподнялась на руках и задрала голову вверх. Дед в это время засунул ложку в рот бабушке Ане и зачерпнул ею туберкулезной слизи. Затем старик поднес наполненную ложку к тазу и резким движением опрокинул туда ее содержимое.

— Больная, бедная бабушка! — произнесла Наташа и, сев на корточки, взглянула сначала на деда, потом на нее.

Швырнув очередную ложку мокроты в таз, дед добродушно посмотрел на внучку.

- То-то же.... А я тебе что говорил! В ответ девочка покорно кивнула головой. Бабку как спасать будем?
- Можете взять меня... опустив голову, произнесла Наташа и тихонько заплакала, не в силах больше сдерживаться.
- Молодежь-молодежь!.. снисходительно вымолвил дед. Затем он достал из шкафа большой полотняный мешок для картошки. Полезай давай! скомандовал дед.

Наташа встала на четвереньки и покорно забралась в мешок. Затянув его, дед взвалил ношу на плечо и, хлопнув входной дверью, вышел на темную деревенскую улицу. Петляя мимо домов по песчаной сельской доро-

ге, он несколько раз останавливался и на всякий случай бил сапогом по мешку. Наташа в ответ сдавленно визжала, а значит, не задохнулась и смиренно принимала выпавший ей жребий.

Последний привал дедушка совершил возле речки. Ночью течение проточной речной воды казалось успокаивающей душу волшебной музыкой. Достав из кармана баночку туберкулезной слизи, дедушка аккуратно обмакнул в нее палец и нарисовал на мешке крест.

— Прощай, моя дорогая Наташенька!

Из мешка послышался гулкий собачий вой. Из последних сил дед поднял мешок и бросил его в речку. Вода спешно заполняла полотняный саркофаг, и, когда Наташа уже успела попрощаться с жизнью и настраивала себя на встречу со Всевышним, внезапно крепкие руки деда потянули мешок назад на сушу.

Разрезав холстину канцелярским ножом и немного поцарапав Наташину руку, дедушка обнял мокрую девочку. Внучка дрожала от страха и холода.

- Ну что, любимая, теперь ты знаешь цену человеческой жизни? сказал дед, крепко сжимая внучку в объятиях.
  - Да, деда... дрожащим голосом ответила Наташа.
- Ну, пошли тогда в хату, предложил дедушка и, не отпуская внучку, понес ее на руках домой.

Вскоре бабушка пошла на поправку.

Польский творожок

Несмотря на то, что Семен не ездил на джипе и не мог себе позволить ужин в дорогом ресторане, Лера обратила на него внимание. Обычно ее кавалеры были сплошь ухоженные дети богатых родителей. Девушка прекрасно знала, что нуждаются эти щедрые кутилы лишь в заботе, схожей с материнской.

Семен был другим. Он работал инженером в строительной фирме. Много не зарабатывал, но на продукты первой необходимости молодой паре всегда хватало. После полугода ухаживаний Лера переехала к Семену в его съемную квартиру. Это произошло всего неделю назад. И за эти семь дней что-то случилось в ее внутреннем мире. Лера перестала радоваться жизни, а кроме всего прочего — получать оргазм, будучи в постели со своим избранником.

Семен же думал, что проблема исключительно в нем, и после каждого акта любовного соития смотрел в заплаканные Лерины глаза и дрожащим голосом задавал ей неказистые вопросы. Девушку это раздражало. Семен же испытывал гнетущее чувство страха и собственной неполноценности.

Отбросив мысли о самоубийстве, он отвернулся на другой бок. Лера же, раскинув ноги. лежала на спине с

открытыми глазами и что-то шептала про себя. После тщетных попыток уснуть Семен резко подскочил, надел брюки с рубашкой и вышел из квартиры. В этот момент Лера свернулась калачиком на просторной двуспальной кровати и уснула.

Выйдя из подъезда, Семен отправился бродить по ночному микрорайону, наполненному тишиной и пустующими автомобилями. Людей глубокой ночью во дворах не было. Было прохладно. Семен закурил и присел на бетонный бордюр. Выпуская клубы дыма изо рта, он рассматривал камешки в составе серого с синеватым оттенком асфальта. Дунул ветер. Порывом холодного воздуха к ногам Семена принесло белый лист бумаги, запачканный по углам.

Вроде бы, не произошло ничего необычного: на улицах всегда было куча всякого мусора, который гонял от дома к дому беспристрастный ветер. Безо всякой на то причины Семен взял лист в руки. Бумажка оказалась рекламным проспектом.

«Ваши семейные проблемы решит польский творожок!» — гласило объявление. Далее был помещен адрес магазина, где реализуется этот диковинный товар. Посмотрев на адрес, Семен пришел в недоумение: магазин находился совсем в другом конце города и ехать к нему надо было не менее сорока минут. Сложив бумажку к себе в карман, он подсчитал деньги и побрел к проезжей части. Жизнь могла теплиться только возле универмага, а значит там могли стоять машины таксистов.

Возле яркой неоновой вывески стоял белый потрепанный форд. Рядом с ним грузный и неопрятный мужчина лузгал семечки.

— На Сухаревскую подвезешь? — после нескольких секунд раздумий таксист махнул рукой. Семен сел на переднее сиденье.

- Жена с дому выгнала? иронично спросил таксист. Семен в ответ отрицательно помахал головой. Развернув бумажку, он назвал точный адрес.
- А что там такое находится? с недоумением спросил таксист. Чувствовалось, что он давно в своей профессии и знает о городе все. Но что находилось по этому адресу, он не знал.
- Круглосуточный магазин, произнес Семен и уставился на дорогу.

Периодически навстречу ехали другие машины. В целом же, город ночью напоминал вымершее пространство. Скопления людей наблюдались лишь возле ночных заведений. Яркие девочки и платежеспособные мужчины.

Вскоре автомобиль въехал в очередной оазис многоэтажек. Машина остановилась возле какого-то подвала.

- Здесь, что ли? спросил таксист.
- Наверное, ответил Семен и протянул водителю несколько мятых купюр.

Когда он вышел из теплой машины на улицу, ему стало холодно. Засунув руки в карманы, он принялся ходить вокруг дома, указанного по адресу. Не найдя ничего похожего на вывеску, он случайно обнаружил надпись на асфальте. «Дорога за счастьем». Стрелка указывала на подвал. Он спустился и постучал в грубо сколоченную деревянную дверь, из щелей которой просачивался яркий свет. Дверь открылась. За ней не было ничего похожего на магазин. Голые бетонные стены, выкрашенные в зеленый цвет и металлический стул. На пороге стояла красивая девушка в красном платье и с черными длинными волосами.

- Что вам надо в столь поздний час? спросила она. Губы ее были накрашены ярко-красной помадой.
- Пришел за счастьем, коротко и по сути ответил Семен.

- Хорошо... покорно произнесла девушка и, взяв Семена за рукав, втащила его в помещение. Закрыв на засов дверь, она скинула с себя платье и рукой указала на металлический стул.
- Тебе не холодно так? спросил мужчина. Девушка молча покачала головой.
- Польский творожок доступен через это... указательным пальцем она показала на свой лобок, густо заросший волосами. Семен осмотрел ее с ног до головы.
  - Ну ладно.

Без эмоций и сладострастных реплик они занялись любовью. Через несколько минут прижатая к бетонной стене девушка сказала «всё», и Семен остановился.

Черные ухоженные волосы девушки оказались париком. Сняв его, она осталась совершенно лысой. Затем она принялась выжимать свои локоны, словно половую тряпку. Из волос потекла черная густая жидкость. Собрав эмульсию в полиэтиленовый пакетик, она протянула его Семену.

— У вас будет большое счастье! — сказала она напоследок посетителю.

Семен же и не обернулся чтобы с ней попрощаться. Захлопнув дверь подвала, он вновь направился к проезжей части и вскоре сидел уже в такси.

Приехав домой, он намазал черную эмульсию на батон и угостил им свою избранницу.

- Что это такое? спросила Лера своего молодого человека.
- Польский творожок... ответил Семен. Уставший, он пил чай.

На следующую ночь интимная жизнь молодой пары наладилась, и о прошлых проблемах они никогда больше не вспоминали.

Комитет по расстрелу поэтов

«Итоговое заключение комиссии»

21 декабря 20...

В отдел по культуре и пропаганде поступили стихи Филиппова Дмитрия Игоревича в количестве 4 (четырех) шт. Написанные четырехстопным произведения представляли ямбом собой пролетарскую критику нашего буржуазного общества, смысл которой сводился к грубому искажению существующей реальности. Филиппов Д.И. (в дальнейшем — Поэт) во время допроса сотрудниками комитета поведал, что писал эти строки в трезвом уме и с чистыми помыслами. Как итог, после первичного ознакомления с творчеством гр-на Поэта, отдельные его произведения были направлены на рассмотрение специальной комиссии. Комиссия в составе гр-н Елатомцева Е.А и Фурцман Е.Б. признали данные тексты поэтическими произведениями и, учитывая вменяемость автора, отклонила вариант карательной психиатрии в

его отношении. Поэтому адекватной реакцией на создание подобных «продуктов творческой деятельности» стал приговор о расстреле грна Поэта в казенном подвале дома №24 по ул. Слободской сотрудниками комитета.

Поэтические произведения передать в специальный архив. Заключение опубликовать в центральных органах печати.

Председатель комиссии, гр-н Ерофеев В.М.»

* * *

— Расстреляли этого хлопца уже? — спросил человек в черной кожаной куртке у девушки, сидевшей за соседним столом как раз напротив него.

Девушка, погруженная в свои мысли, что-то писала на листе бумаги и, подняв глаза, ответила:

- А? что? кого? Человек показал ей пожелтевший листик, в заголовке которого была указана фамилия приговоренного. Филиппов? Какая там дата стоит?
- Протокол от 21 декабря, произнес человек и, открыв выдвижной ящик стола, положил исписанный черными чернилами лист бумаги в стопку всяких иных производственных документов.
- Исполнение в срок до трех дней, Михаил, монотонно произнесла девушка и попутно начала опять чтото писать. На гладкой коже ее лица отразилось синее свечение монитора. А какое у нас число сегодня?
- 25 декабря, будучи в своих мыслях, ответил Михаил, предварительно глянув на часы. Затем он встал и принялся складывать лежавшие на столе тетради в черный кожаный чемодан.

Чемодан с белой ручкой являлся основным атрибутом члена особой комиссии по делам культуры и искусств, отчего мужчины и женщины с уважением кивали головой, если на просторах пустынного сибирского города встречали сотрудника почетной государственной службы.

Михаил попрощался со своей коллегой. Та же, полностью поглощенная работой над документами, машинально кивнула ему головой, и Михаил демонстративно хлопнул дверью, выходя в пространство темного коридора. Стены коридора когда-то давно были выкрашены белой краской, местами потрескавшейся и пожелтевшей. Мужчина шел мимо агитационных стендов, расположенных на расстоянии нескольких метров друг от друга. Цветные картинки и выведенные большими буквами лозунги бросались в глаза и вносили диссонанс в унылую панораму из десятков дверей.

Михаил вышел на тихую улицу и подошел к припаркованному автомобилю. Открыв ключом дверь, он деловито положил портфель на заднее сидение, а сам сел за руль. Вскоре он отправился домой рассказывать жене и детям о том, что скоро наступит Новый год, а работы очень много.

* * *

Мужчина зашел в помещение и сел за круглый стол. Рядом с ним заняли свои места еще несколько человек в черных пиджаках. Мужчина щелкнул ручкой и, предварительно расписав ее в блокноте, каллиграфическим подчерком вывел на белом листе бумаги:

«Итоговое заключение комиссии: 25 февраля 2021...»

— Время указывать или можно пренебречь? — об-

ратился он к окружающим, тряся блестящими, будто промасленными, скулами. Кадык его дергался — то ли от раздражения, то ли от удовольствия от проделанной работы.

— Не стоит, — ответил наголо бритый мужчина и в дополнение к своим словам покачал головой.

Рядом с ним сидела девушка, она перебирала пожухлые и исписанные черной ручкой обрывки тетрадных листов. Глубоко вздохнув, она передала бумаги сидящей по соседству даме преклонного возраста. Та, получив долгожданные поэтические творения, элегантно достала из позолоченного чехла очки и пробежалась глазами по рифмованным строкам.

— Ну это же порнография, а не стихи! — эмоционально произнесла женщина и, смяв бумажки в комок, демонстративно швырнула их под стол. Казалось, что от вскипевшего в ней негодования с ее морщинистого лица посыпалась пудра.

На женщине круг рецензентов замыкался, и четверо его участников переглянулись между собой, а затем их взгляды переместились на молодого человека, сидящего в углу на стуле. Руки его были прикованы наручниками так, что парень не мог сделать лишнего движения. Глаза его бегали в разные стороны. От волнения поэт часто облизывал потрескавшиеся губы и с трудом сглатывал слюну, никак не придающую влажности пересохшему горлу.

— Такими даже жопу подтирать, простите, стыдно! — произнес лысый и засмеялся. Остальные напряженно молчали. Неловкую паузу прервала девушка. Поднявшись из-за стола и представ перед присутствующими во всей своей красе, она элегантно подошла к молодому человеку и ударила его кулаком по лицу. Голова его, словно воздушный шарик, дернулась вправо. Пока де-

вушка потирала кулак, парень облизнул выступивший сгусток крови и, подняв голову, посмотрел ей прямо в глаза. Лицо его озарилось кровавой улыбкой.

— Не вижу поводов для веселья, юноша! — после этих слов девушка села обратно за стол и, сделав вид, что никого, кроме членов комиссии, здесь нет, произнесла: — Что будем делать с этим говном?

Лысый, явно симпатизируя молодой участнице закрытых процессов, высказался первым:

— Наша комиссия создана не просто так. Достойных авторов великих произведений мы награждаем почетным расстрелом в подвале. Ну а это — это просто оскорбление нашего великого гражданского общества, нашей великой свободной мысли...

Лысого прервал своей речью ведущий протокол секретарь комиссии:

- В общем, я записываю, что Иванова Сергея Степановича мы лишаем гражданства, а также права проживания в государстве. Сделав несколько простых записей и поставив точку в протоколе, все четверо услышали плачевный всхлип прикованного молодого человека.
- Это ж какую наглость надо иметь, чтобы нести на рассмотрение комиссии такое... возмущенно произнесла пожилая женщина. Она встала и, накинув на себя черное кожаное пальто, скрывающее ее грузную фигуру, задвинула свой стул под стол.
- Времена такие нынче пошли, сами понимаете. Да и приговорили мы многих по заслугам. А это... девушка кивнула на плачущего юношу, это вообще вырожденцы.

Вскоре все четыре человека покинули заседание комиссии. Вместо них зашел крепко сложенный солдат и, с презрением посмотрев на Иванова, освободил его от наручников. Иванов же неожиданно вскочил и, сжав

руки в кулаки, принялся выть, словно обиженный старшими детсадовец. Солдат молча ударил его прикладом винтовки в грудь. Иванов с грохотом упал, оставляя на полу блеклые капли крови.

— Веревку и мыло. Ну, или лезвие... Короче, заберешь на КПП. Там осведомлены. — Напоследок солдат пнул берцем в бок опального поэта. Прежде чем уйти из помещения, солдат посмотрел на портрет Патриарха и перекрестился. — Только в лес далеко не иди, впадлу тебя тащить потом оттуда, мудак...

Солдат захлопнул дверь. Иванов продолжал лежать, наверное, так до конца и не осознав своей позорной участи.

* * *

«12 января 2021. Шесть лет как меня сослали в Бийск…»

Кирилл делал записи в своем дневнике каждый день, как приехал в этот сибирский город вместе со своей возлюбленной. Было утро. Возлюбленная уже два часа как работала на заводе, а Кирилл продолжал писать.

«Вынужденное мое нахождение в этой творческой клоаке должно подойти к своему финалу»

Поставив последнее многоточие, он захлопнул тетрадку и закурил. Стряхивая пепел в жестяную банку из-под кофе, Кирилл рассуждал о том, какие произведения он понесет на рассмотрение строгой комиссии и что ему лучше потом сделать: повеситься или вскрыть себе вены в лесу. Или просто замерзнуть.

— Это Алтай, милый. Тут по ночам минус 52 бывает,

— говорила ему Снежана, когда они впервые въехали в заплесневевшую хрущевку и грелись возле чуть теплой батареи.

Когда-то Бийск был наукоградом, и в стенах секретных лабораторий ведущие умы давно забытой страны проектировали ракеты в подарок далекому и страшному врагу. Потом оказалось, что страна переполнена врагами внутренними, а не внешними, и Бийск сделали городом для людей, что словами своими могли донести ноту протеста в аморфные массы.

До окончания срока оставалось несколько дней. Если Кирилл ничего не предоставит комиссии, то его могут списать как «ненужный человеческий материал» с позорным штампом «заподозрен в поэтических делах».

Быть полным изгоем он не хотел, а свои поэтические творения представить на суд рыцарей общественной морали не решался.

— Не ходи туда.... Давай убежим... — говорила Снежана, когда, лежа в кровати, они смотрели в потолок и слушали, как ветер лютовал за окном, перемещая ежесекундно тонны снега по гористой местности Южной Сибири. Но им не скрыться от беспристрастных камер и вездесущих спутников. Каждый в поле зрения системы.

Кирилл будто чувствовал свое предназначение. Поэтому он собрал исписанные листы в косую линейку и аккуратно сложил их в конверт.

Через несколько часов Снежана приедет на обед. Возможно, что к этому времени Кирилла уже не будет в живых.

Он снял с полки запыленную толстую книгу и открыл. Между страниц было спрятано тонкое лезвие. Оно заманчиво блестело в лучах скупого утреннего солнца. Кирилл аккуратно взял лезвие и выцарапал имя своей возлюбленной на столе. Затем он порезал ладонь

и пальцем вывел на древесине кровавое сердечко. Рука кровоточила, а Кирилл дул на рисунок. Кровь на столе почти высохла.

Наспех забинтовав руку, поэт надел на голову шапку, затем накинул пальто. До ближайшего отдела по культуре и пропаганде было метров двести. Кирилл часто проходил быстрым шагом мимо этого здания с красной дверью, натыкаясь на взоры подобных себе ссыльных сограждан. Все проходили мимо, и никто не заходил внутрь. По затравленным взглядам он легко определял, где свои, а где — почтенные чиновники и бравые солдаты.

Шагая по улице, он щурился, когда суровый сухой ветер дул ему в лицо. Мимо него мелькали прохожие, но они будто не замечали ничего происходящего вокруг и старались как можно быстрее спрятаться от пробирающего до самых костей холода.

Пройдя мимо большого щита с единственной белой надписью на красном фоне «Патриарх сделает тебя счастливым», Кирилл завернул за панельную пятиэтажку и остановился. Прямо перед ним находилась массивная дверь. Вокруг совершенно никого не было, разве что из окон за его действиями мог наблюдать какой-нибудь по болезни пропускавший школу ребенок.

Поэт открыл дверь и зашел внутрь. Пройдя по лестнице на второй этаж, Кирилл столкнулся с дежурным солдатом. Тот смотрел по телевизору балет, когда Кирилл произнес деланое «здравствуйте».

- Тебе чего тут надо? лениво спросил солдат и, взяв в левую руку завернутый в целлофан пульт, убавил звук. Правой рукой он размешивал сахар в жестяной кружке с чаем.
- Рифмы свои хочу сдать... ответил Кирилл. Гдето в другом конце коридора послышались шаги.
  - Понятно... Солдат взял в руки автомат и встал.

Кирилл подумал, как бы не изменились правила, и его не расстреляли прямо на месте. — Закрой глаза и не двигайся!

Поэт обеими руками сжал сумку с заветными рукописями и зажмурился.

Удар был ожидаемый и внезапный одновременно. В один момент в его сознании будто взорвались сразу несколько термоядерных зарядов. Упав на пол, Кирилл инстинктивно прижал портфель к себе, будто это был его единственный выживший ребенок.

Ударив, солдат осмотрел полированный приклад, потом — обездвиженного поэта. Плюнув на его пальто и пнув покатившуюся меховую шапку, он положил автомат на стол и нажал на красную кнопку, хитро вмонтированную в стену. Вскоре откуда-то из длинного коридора показались два парня в камуфляже. У одного из них было сильно подбито лицо, а второй выглядел опухшим, будто употребил не так давно много спиртосодержащей продукции.

- В ваше распоряжение прибыли, товарищ сержант! произнес один из них. Оба солдата встали по стойке «смирно».
- Несите тело в распределитель для этих... сержант почесал затылок и зевнул, поэтов, бля...

Молчавший рядовой кивнул головой, и, подхватив находившегося без сознания Кирилла под руки, они последовали куда-то вдаль по коридору.

Очнулся Кирилл через несколько часов. Дрожа от холода и крепко сжимая зубы от пронзительной боли в затылке, он попытался подняться. Его тошнило.

Оказалось, что Кирилл валялся на металлических нарах, состоящих из двух железных балок на ножках и перетянутой между ними ржавой металлической сетки. На полу перед ним сидел небритый мужчина с поник-

шим взглядом. Мужчина был укутан в одеяло и молча смотрел в землю, совершенно не обращая внимания на своего нового соседа. Кирилл не помнил, как его сюда принесли. Но ему показалось, что этот персонаж находится здесь гораздо дольше его самого.

Обернувшись, Кирилл увидел раковину, решетчатое окно и портрет Патриарха над ним. Он подошел к раковине и проблевался. Затем он повернул ручку, и из крана потекла мутная ледяная вода. Он умыл лицо и, глядя в окно, ждал, пока выблеванная им жидкость не отправится в путешествие по ржавым трубам. Сосед в этот момент хотел было что-то сказать, но лишь хрипло раскашлялся. Достав откуда-то из недр своего одеяла детское пластмассовое ведерко, он сплюнул слизью и мокротой. Вероятно, мужчина болел туберкулезом.

— Ты следи, бл..дь, за порядком только! — хрипло и злобно сказал он, на что Кирилл в ответ кивнул головой.

Умывшись, парень лег обратно на жесткую кровать и уставился в потолок, украшенный черной плесенью по углам и обильными подтеками по всей поверхности. Он закрыл глаза и попытался представить, что сейчас делает Снежана.

«...Расскажи мне про Витебск... Что там было?» — спрашивала она, сидя обнаженная перед ним. А стан ее отражался в пыльном зеркале. В свете луны он казался ему совершенным. «А что, Витебск? Город такой. Белорусский восток. Много панельных домов и вылизанных площадей. С людьми...» — когда она спрашивала что-то о его прошлом, он всегда терялся и не знал что сказать».

Его воспоминания прервал скрип открывающейся массивной двери, отлитой из металла.

В проеме показался солдат и, указав пальцем на Кирилла, махнул зазывающим жестом.

Кирилл встал и, пройдя мимо солдата, получил при-

кладом по спине. Резко рванув вперед и едва не упав, он обернулся и зло посмотрел на ухмыляющуюся ему рожу. Закрыв дверь, солдат вопросительно посмотрел на Кирилла.

— Чё встал?! Вперед иди! Судить тебя будут! — солдат уже было хотел харкнуть в лицо поэта, но тот обернулся и быстрым шагом последовал по коридору. Сплюнув на пол, солдат добавил: — Давай без глупостей, малыш, иначе завалю! В дверь иди! — прокричал он вслед.

Кирилл шел к единственной зеленой деревянной двери, за которой его ожидало заседание комиссии с ее критическими воззрениями по поводу написанных стихов.

Он открыл дверь и увидел перед собой четверых. Мужчину, полностью лысого с высоким складчатым лбом. Он был одет в черный пиджак и строго посмотрел на Кирилла. Рядом с лысым сидела женщина. Она плакала и вытирала носовым платком слезы с наливных щек. За ней сидели два молодых члена комиссии. Вероятно, братья-близнецы. Оба короткостриженые и в черных плащах. Со злыми взглядами.

Как только Кирилл зашел, все четверо встали и поклонились ему.

- Мы решили не заковывать вас наручниками... произнес мужчина и указал рукой на стул. Кирилл смущенно поздоровался со всеми кивком головы и присел. За его спиной находилась школьная доска, а чуть выше вездесущий портрет Патриарха. Посмотрев на портрет, а потом на Кирилла, женщина перекрестилась и принялась плакать пуще прежнего.
- Ну что ж вы так, Тамара Васильевна! сказал лысый мужчина и приобнял раскисшую даму. Один из братьев что-то рисовал в блокноте, второй презрительно смотрел на Кирилла. Тот отчего-то улыбался.

— Вы... — произнесла сквозь всхлип дама, — вы прекрасны! — закончила она и закрыла лицо ладонями.

Рисовавший в блокноте близнец глубоко вздохнул и встал. Он посмотрел на Кирилла, потом — в свои записи, и на фоне женского плача начал произносить свою речь:

— Уважаемый Кирилл Олегович Никодимов! Мы рассмотрели ваши поэтические творения и признали их, в соответствии с Кодексом, произведениями искусства высшей категории. Кроме этого, мы готовы вам сообщить, что впервые за историю нашей славной комиссии вашему поэтическому произведению, в данном случае, написанному под вашим авторством, была присвоена высшая степень значимости. Согласно законодательству, вы приговариваетесь к высшей мере наказания, причем публичного, через повешение. Ваша казнь будет памятной датой вписана в бийскую летопись и состоится через полчаса на главной площади нашего города при торжественном собрании трудящихся...

Закончив, близнец закрыл блокнот. Пока он зачитывал приговор поэту, женщина поутихла, а лысый председатель комиссии потирал виски, обдумывая нечто важное.

После официального провозглашения приговора в комнату вошли уже знакомые солдаты. Один из них вновь ударил Кирилла по голове прикладом. На этот раз — так, символически. Поэт даже не потерял сознание, а просто упал на пол. Солдаты подхватили его под руки и поволокли по коридору.

Как только Кирилл оказался на свежем морозном воздухе, он сделал глубокий вдох и тут же очутился в автозаке, металлический пол которого был заляпан кровавыми пятнами. В самом кузове витал душный смрад. От него тошнило.

Забросив поэта, солдаты отряхнули руки и захлопнули за ним дверь.

Пока Кирилл ехал на Площадь 9-го января, сквозь металлические стенки кузова он слышал, как из всех мегафонов вещают о его грядущей казни. Жить осталось порядка пятнадцати минут. В эти мгновения он думал о Снежане и вспоминал Витебск. Дни назад он представлял, как они вместе вернутся туда и, быть может, будут счастливы. Но он решил выбрать другой путь. Исполнить предначертанный заветом Патриарха долг.

Его выгрузили из автозака, и тут же заполнившая площадь толпа пьяных и еле стоящих на ногах рабочих умолкла. Все своими туманными и абсолютно пустыми взглядами провожали поэта на доселе пустующий эшафот. Виселица была собрана в срочном порядке. Как только Кирилл поднялся по скрипучим деревянным ступенькам, по толпе прошелся первый вопросительный шепот. Каждый из этой тьмы человеческих тел смотрел на него, а потом шептал на ухо товарищу: «Это же действительно Поэт!».

Кириллу была до лампочки толпа этих насильно согнанных с заводов зевак. Глазами своими он искал Снежану. Она наверняка была где-то здесь и, затаившись, молчала.

Рядом с ним на эшафоте стоял господин полицейский — плотный мужчина с бородой и в мундире. Грудь его украшали многочисленные ордена. Пока Кирилла готовили к расправе, господин полицеский произносил в мегафон обличительные речи в адрес реализовавшего себя поэта. За их спинами с одной ноги на другую переступал поп. Ему одному было скучно на всем этом действии, поэтому он просто ждал, когда все закончится, чтобы можно было приступить к работе.

Господин полицейский заканчивал свою пронзительную речь. Напоследок он говорил что-то о Патриархе, поэзии и чести с долгом. Кириллу было без разницы.

Толпа же, по большей части, наблюдала за каждым движением лица поэта и пропускала мимо ушей высокопарные речи государственного слуги.

Когда приговоренному на шею надели петлю, а господин полицейский предложил ему произнести последнее слово, Кирилл лишь судорожно метался взглядом по ожидающим расправы лицам.

Внезапно, за секунду до своей смерти он взглядом встретился с голубыми глазами Снежаны. Она была напугана и потеряна, а лицо ее было завернуто платком. Только глаза. Тревожные, как грозовые тучи в ненастную погоду.

Кирилл улыбнулся, и доска под ним провалилась. Последнее, что он услышал — громкие аплодисменты толпы. Предсмертный жар подкрадывался от ног к голове. С ним пришла убаюкивающая темнота.

Коллективный разум человечества

В этот апрельский день школьница старших классов Антонина Киршман внезапно почувствовала себя простуженной. Собственно, это было не так уж и удивительно — как ни странно, середина апреля выдалась неприятно холодной и некрасиво дождливой, поэтому большая часть населения Минска ходила сопливая, чихающая и обозленная.

Глотая воздух ртом, Тоня зашла в квартиру своих родителей и первым делом улеглась на диван в комнате, увешанной цветными постерами и всякого рода журнальными коллажами. Хотелось лежать с закрытыми глазами и мечтать о том дне, когда из-за свинцовой облачной массы выглянет солнце и своими лучами изгонит инфекцию из ее тела.

Где-то на столе стояла баночка с каплями в нос. Тоня любила ощущать, как спасительный продукт отечественной фармацевтики, словно волна, проходится по ноздрям и дает несколько спасительных часов свободного дыхания.

Не открывая глаз, Тоня принялась на ощупь искать волшебный тюбик, стоящий на краю стола. Деревянный письменный стол плотно прилегал к кровати.

Болела голова.

[Осязание (кинестетика, тактильное чувство) — один из пяти основных видов чувств, к которым способен человек, заключающийся в способности ощущать прикосновения, воспринимать что-либо рецепторами, расположенными в коже, мышцах, слизистых оболочках]

Обнаружив пластмассовый тюбик, Тоня поместила его кончик в ноздрю и надавила. Однако вместо горьковатого нафтизина в нем оказалась другая жидкость. Слегка смущенная, Тоня открыла глаза и увидела белый тюбик клея ПВА, неизвестно как оказавшегося на столе вместо капель. Быть может, младший брат что-то клеил и поставил маленькую белую тубу рядом с каплями?

[Пластиковые тубы делают из полиэтилена различных типов при помощи экструзионного процесса. Такие тубы могут быть однослойными или многослойными (коэкструзионные тубы)]

Тоне вдруг стало очень противно. Ей казалось, что вся носовая слизь моментально превратилась в кипящую лаву, готовую выплеснуться на ее прыщавое подростковое лицо. Но вместо того чтобы просто высморкаться, она зачем-то втянула образовавшуюся смесь глубже, и в ее голове начали мелькать странные цветные картинки.

[Дисперсия поливинилацетата в воде, с пластификатором и специальными добавками. Применяют для склеивания различных материалов друг с другом]

«Дорогая Тоня! Я обращаюсь к тебе из потустороннего мира! Только что ты воссоединила потустороннюю

материю с материей своего головного мозга, пренадлежащего агрессивному миру людей. Прими же этот светлый дар великого проводника ПВА», — произнес механический голос в ее голове. Тоня приняла сидячее положение и обхватила голову руками. Но, как ни странно, боли не было — лишь непонятное ощущение непрекращающегося хаоса, готового выбраться на поверхность, разорвав на клочки черепную коробку.

— Кто здесь? — произнесла вслух отчаявшаяся девочка. После этих слов ощущение первозданного хаоса куда-то улетучилось. Насморк прошел, а на смену головной боли пришла необыкновенная легкость. Но за первым заданным вопросом тут же возник второй: — Что со мной происходит?

Ответа не последовало. Таинственный голос, прозвучавший однажды, более не объявлялся в голове школьницы, поэтому вполне мог сойти за галлюцинацию, вызванную, быть может, высокой температурой. Но у Тони не было жара. Чтобы удостовериться в своих ощущениях, она взяла с книжной полки зачехленный градусник. Разместив его под мышкой, она присела на диван и, удивленная улетучившейся простуде, выждала чуть больше минуты.

36.6.

— Значит, я полностью здорова? — спросила Тоня сама себя и отправилась на кухню разогревать обед. Плотно покушав, школьница собралась уже делать уроки, как внезапно ощутила возврат противного простудного состояния. Она вернулась в комнату и, словно зачарованная, смотрела на пластиковый тюбик с чудодейственным клеем ПВА. Недолго думая, она вновь оросила свою носовую полость тягучей белой жидкостью.

В этот раз она ощутила у себя внутри — где-то глубоко — странный теплый шар огня, который не подчинялся законам термодинамики и излучал исключительно эманации добра. Он был словно сообщающийся сосуд между мирами.

«Привет, Тоня! Мы продолжаем перемещение материй, о котором так долго мечтал коллективный разум человечества. Будь осторожна: темные силы могут мгновенно завладеть тобою. Остерегайся их, желто-черных всадников «Момента», чей разум давно уже поглощен деструктивными мыслями».

На этот раз Тоня выслушала инородный внутренний голос и убедилась, что все это далеко не мираж. Она положила странный тюбик к себе в карман и решила прогуляться под пасмурным минским небом. Когда она обувалась, в квартиру вошла мама. Вероятно, она пришла с работы на обед домой.

- Ты куда, Тонечка? спросила мама. Ты ж простужена, доченька...
- Я уже здорова, мамуль! бодро сказала Тоня. В ответ мама приложила свою ладонь ко лбу девочки и, убедившись, что температуры действительно нет, про-изнесла:
  - Ну, ты ж только не гуляй долго!

Тоня кивнула головой и, закрыв за собой входную дверь, побежала вниз по лестнице. У входа стояли несколько мальчишек из соседнего подъезда. Они будто ждали Тоню. Девочка, завидев несколько озлобленных лиц, не сразу поняла, что может произойти. Она решила пройти мимо, но один мальчик твердым голосом сказал: «Стой!». Тоня повиновалась, хотя по-прежнему ощущала тревогу. Несмотря на то, что она частенько видела эту шпану у себя во дворе и это были обычные безобидные школьники, у девочки обострилось чувство страха.

Четверо парней встали в круг и положили руки друг другу на плечи, словно собирались танцевать греческий танец сиртаки.

Внезапно парни в один момент открыли глаза и хором произнесли: «Она!». Один из них обеими руками схватил хрупкую Тоню и потащил в подвал рядом с подъездом. Остальные мальчики сопровождали пленную. Тоня же просто осознавала, что теперь ей не вырваться и думать о побеге нужно было раньше, а не сейчас. В последние секунды она решила смириться со своей судьбой. В подвале мальчики положили ее на грязный земляной пол, усыпанный битым стеклом и прочим мусором. Один из парней оголил Тонино предплечье.

- А мне будет больно? спросила девочка.
- Боли нет! ответил ей пацан, который нес ее. Или же весь мир боль.

[Боль — неприятное сенсорное и эмоциональное переживание, связанное с истинным или потенциальным повреждением ткани, а также нарушением душевного равновесия]

Остальные парни достали желто-черный тюбик клея «Момент» и шприц. Вынув поршень, парни выдавили в емкость шприца несколько кубиков клея. После поршень был возвращен на место, и подвальный медбрат присел рядом с Тоней.

— Просто оно нам приказало, — сказал мальчик и вонзил иголку под тонкую кожу юной девочки. Тоня закрыла глаза и почувствовала, как светлый шар добра внутри внезапно побагровел и начал излучать боль. Но она не ощущалась на телесном уровне, потому что эта боль стала ее частью, элементом антиматерии, в которой работают противоположные физические законы.

Когда местный бомж по кличке Сиплый зашел в под-

вал, то учуял странную вонь (несмотря на то, что сам вонял похлеще любого мусоровоза). Поставив бутылку дешевой водки на землю, он зажег спичку и увидел лужу зеленой слизи, которая своими очертаниями напоминала оттиск лежащего человека. Почуяв неладное, Сиплый поднял бутылку и решил передислоцироваться в другой подъезд.

Марыся, чернооровушка моя

Марыся проснулась и, зачерпнув ковшом холодной воды из чана, посмотрела в окно. Вдалеке, возле старого березняка, возились солдаты. Мимо них напыщенно расхаживал русский унтер-офицер и искусно бранился.

Приложив ладонь ко лбу и прищурившись, Марыська разглядела, что, скорее всего, солдаты собирают березовый сок. Один из них, будто ощутив на себе взгляд девушки, обернулся. Задернув занавеску, Марыся переоделась и вышла в сени.

На улице в лицо ей дунул свежий мартовский воздух. Сделав несколько шагов по сырой, еще не согретой скупым весенним солнцем земле, она увидела, как из соседней хаты выходили солдаты. За ними в дверях показался и сам хозяин дома — дед Зянон.

Увидев печальные глаза старца, Марыська забеспокоилась. Солдаты же смотрели на ее прекрасный стан, но девушка не замечала взглядов этих пришлых вояк.

Дождавшись, пока взвод уйдет в расположение военного лагеря, она отворила калитку и подбежала к престарелому человеку.

— Что они хотели, дедушка? — взволнованно спросила Марыся.

Дедушка тяжело вздохнул и, вытерев пот с бледного лба, поникшим голосом ответил:

Вацлава искали…

Марыська ничего не сказала. Вероятно, юного повстанца уже просто не было в живых, и теребить раны старого человека сейчас просто кощунственно. Вернувшись в дом, Марыська посмотрела на запыленную икону в углу и прошептала: «Кастусь, ты ведь тоже где-то там…»

Закрыв лицо ладонями, она расплакалась.

* * *

Иван сидел на гнилом пне и с серьезным выражением лица чистил свое ружье, как вдруг взъерошенный подпоручик, галопом бежавший по весенней грязи, завопил на весь гарнизон: «Депеша от командующего Виленским военным округом!» Тут же солдаты все как один встали в строй, восприняв слова офицера как приказ. Встав перед шеренгой, командир снял мятый картуз и сперва отдышался. Облокотившись на большую деревянную бочку с водой, он громким голосом произнес: — Радуемся, друзья! Почтенный граф Николай Муравьев сообщил о поимке Калиновского! — расплывшись в улыбке, подпоручик радостно вскрикнул: — Восстанию конец! Польша и Литва вновь наши!

Услышав победные вести, солдаты принялись о чемто между собой перешептываться.

— Господин фельдфебель, разрешите обратиться? — робко произнес рядовой Игнат, обратившись к Ивану. Не дождавшись утвердительного ответа, он продолжил:

— Неужели конец этой бойне наступит всей?

Иван, будучи опытным воином, знал, что смерть Калиновского, конечно же, положит конец бунтующей Польше, но, скорее всего, в Северо-Западном крае еще долгое время будет неспокойно.

Будучи совсем молодым и не прослужив в армии еще и года, рекрут Игнат надеялся, что для него это будет первая и последняя война и Александр II не втянется в военные авантюры, подражая своему отцу.

Бывалый Иван в ответ просто кивнул головой. Закинув ружье на плечо, он отправился пешком к деревне, расстегнув тяжелый и изрядно испачканный в грязи мундир. Тем временем солдаты с молчаливого позволения командования занялись организацией будущего пира.

* * *

Подойдя к Марыськиной хате и распахнув сломанную калитку, Иван три раза стукнул кулаком по ветхой деревянной двери. Отворив, Марыська впустила в дом солдата.

Иван наклонился к ней и поцеловал в смуглую щеку. Она же обеими руками обняла его за шею и что-то нежно прошептала. Словно кошка, она головой коснулась его грубой щетины и закрыла глаза. Он же гладил ее по длинным и слегка вьющимся черным как смоль волосам.

- Ты где был так долго? спросила она томным голосом и, откинув голову назад, посмотрела на заправленную кровать.
- Да со своими был, делами ратными был занят... Он взял Марыську на руки и, сделав несколько шагов, положил на перину.
- Мой ты солдат императорской гвардии... сладострастно произнесла девушка и, как только грубые руки мужчины прикоснулись к ее юному телу, блаженно застонала. Иван же, взбудораженный ее речами, принялся грубо снимать с нее простые крестьянские одеяния. Вскоре их обнаженные тела переплелись в любовном танце, и, забыв про польское восстание, вешателя Муравьева и восторженные речи царя Александра II, они предались втайне своим грешным утехам.

Дед Зянон же, заприметив русского солдата, вошедшего в дом к Марыське, сидел у окна и прислушивался к странным звукам, доносившимся из покосившейся хаты, производившей впечатление оставленного жилья. Затаив злобу на Марыську, он намерился доложить о неподобающем поведении Ивана подпоручику. К тому же дед один из немногих знал о том, кто такая Марыся и что можно сказать командованию, чтобы Ивана подвергли наказанию.

После отменного блуда с русским солдатом, кареокая Марыська лежала у него на плече и ладонью гладила могучую грудь.

— А у тебя есть там... — она задумалась и продолжила: — Там, откуда ты пришел, у тебя есть любимая?

Иван зажмурился, вспоминая родную саратовскую землю и дочь богатого помещика Глашу, о которой, будучи юношей, он мечтал и которая была для него такой же недосягаемой, как Париж, Константинополь и другие диковинные и неведомые ему города. Он мечтал, что когда-нибудь выучится грамоте и напишет Глаше большое и красивое письмо. Но после рекрутского набора и зноя крымской службы все светлые мечтания смешались в одну кашу с кровавыми буднями и вечным страхом быть либо убитым, либо остаться изуродованным на всю оставшуюся жизнь.

- Там у меня уже, наверное, никого нет... после минуты томных раздумий произнес Иван.
- Это ты, значит, со мною первою вот так вот делаешь? спросила она, рассматривая тусклую икону. Сердечко ее при каждом взгляде на лик святого начинало колотиться все быстрее и быстрее. В такие мгновения успокаивало ее лишь уверенное дыхание Ивана.

Фельдфебель, услышав подобный вопрос, нахмурился и ничего не ответил. Он повернулся головой к окну.

В лучах солнца лицо его казалось помятым, усталым и каким-то беззащитным.

Где-то вдали доносились радостные крики, а солдаты начали запев строевой песни.

- У вас сегодня праздник, что ли, какой-то? Марыська решила перевести разговор в другое русло.
- Калиновского словили... произнес он, сомкнув глаза. Марыська, услышав запретную фамилию руководителя польского восстания, побледнела. Решивший вздремнуть, Иван не заметил этого внезапного изменения в настроении своей случайной возлюбленной.
- Кого?.. подавленным голосом произнесла Марыська. Кого словили?
- «Яську, гаспадара з-пад Вільні», черт бы его побрал, язвительно произнес Иван и зевнул.

По щеке Марыси покатилась слеза. Она представила его, своего Кастуся. Невысокого, всегда с серьезным взором, боевого бровастого мальчишку, одержимого идеями о спасении всего мира. Как же это он один смог бы противостоять всем эти могучим Иванам с их лейб-гвардиями, мортирами и нарезными ружьями? Где же он сейчас? Вероятно, в темнице в городе Вильно, а генерал-губернатор Муравьев жрет водку в окружении высшего имперского командования и кривой подписью приговаривает героев к смерти.

«Вешатели», — произнесла она шепотом. Едва сдерживая себя от накатывающих, словно штормовые волны, всхлипов плача, она представила своего Кастуся — помрачневшего, но отнюдь не сломленного. До этого момента она думала, что ее Костя уже умер или прячется где-нибудь в Европе, вдали от этого самоуправного царизма.

«Я ведь тоже почти Калиновская», — произнесла она про себя и отвернулась от Ивана. Тот уже уснул.

«Где-то за печкой лежит топор», — подумала она, не осознавая, что хочет совершить убийство. Но сию же секунду в дверь постучали. Иван вскочил, Марыська жестом ему указала на печь, за которую следовало спрятаться. Накинув на себя платье, Марыська подошла ко входу и, отворив дверь, удивилась. Это был всего лишь почтальон. Он протянул пожелтевший бумажный сверток, попрощался и пошел куда-то дальше с висевшей через плечо толстой кожаной сумкой. «Из Вильно, — прошептала Марыська. — Неужели?..» Забыв про Ивана, она развернула письмо и, прочитав первые четыре строчки стихотворения, разрыдалась.

Иван не умел читать. Он встал перед Марыськой и, подождав, пока утихнет первая волна нахлынувшей на нее истерики, спросил:

— Что там такое, Марыся?

В это же самое мгновение в хату вломился отряд из пяти русских солдат и подпоручика Шмидта.

Ехидным голосом с прусским акцентом офицер про-изнес:

- Фельдфебель Иван Гуденов, вы подозреваетесь в пособничестве польским разбойным бандам! после этой фразы один из солдат ударил Ивана прикладом между лопаток, сбив его с ног. Марыська закричала и отпрыгнула в сторону.
- Шо с ней делать-то? крикнул один из ворвавшихся солдат, въевшись глазами в ее красивое тело.
- Отбой, пускай остается здесь, приказал офицер. И, взяв под руки Ивана, они покинули дом. Возжелавший тело Марыськи солдат перед тем, как выйти, обернулся и обнажил гнилые черные зубы в злобной улыбке. Марыське сейчас показалось, что он один только знает о том, что их всех ожидает.

«Она невеста Калиновского...» — слышалось с улицы.

Закрывая дверь, перепуганная Марыся заметила гневный взгляд деда Зянона. А где-то там вдалеке, в густом березняке, солдаты стреляли в воздух из ружей, что-то кричали, а местные жители спешно запирали свои хаты и прятали детей. Вскоре на улице не осталось никого, кроме солдат расползшегося по всему поселению гарнизона.

Подождав, пока стемнеет, Марыся закуталась в темные одеяния и, открыв дверь, направилась куда-то, петляя между хаток с едва мерцающим в них светом. Возле порога соседнего дома она увидела валяющегося в грязи пьяного гренадера. Тот что-то нечленораздельное бормотал себе под нос. Словно призраки, мимо нее, хлюпая сапогами, прошли, в обнимку двое солдат. Вероятно, в поисках потерянного соратника.

Добравшись до православной церкви, она отворила тяжелые двери и зашла внутрь прохладного помещения. Опершись на алтарь, стоял пьяный батюшка Филарет и держал в одной руке бутыль с брагой.

- Чего надо, дочь? спросил он.
- Исповедаться хочу. Иначе беда мне будет... покорно сказала Марыська и подошла к батюшке. Хлебнув браги, тот взял ее за руку и приготовился слушать, томно вздохнув.
- Во грехе я, батюшка! Жениху моему повстанцу изменила с солдатом русским Иваном... А Кастусь-то мой в темнице на землинушке великолитовской, ждет, что я приду, а я в очи его смотреть не могу, бес потому как меня попутал...

Священник, помутненным разумом сообразив, о ком речь, машинально перебил говорящую Марыську:

— Что ты сказала? Калиновский? Тот самый богохульник и бунтарь?! — Марыська в ответ на резкий возглас священника подняла голову и почувствовала подкрадывающуюся опасность. Священник с размаху ударил бутылкой по голове Марыську, от чего та распласталась по холодному глиняному полу церкви.

— Ну ты, шлюха! На великую Россию посметь поднять кулак со своим Калиновским! — зло прошипел священник и, встав на четвереньки, принялся срывать с девушки одежду. — Сука этакая, что творит! Курва польская!

Руками Марыська пыталась отбиться от грузного ставленника православной церкви, но от удара голова жутко кружилась, и ей на мгновение показалось, что у нее то пропадает, то вновь появляется зрение. Извиваясь всем телом по полу, она ощущала, как под ней растеклась липкая лужа крови, а длинные темные волосы слиплись. Как только священник сорвал с нее платье, она закричала. Крик ее эхом разнесся по церкви, но никого вокруг не было. Разозлившись пуще прежнего, батюшка Филарет закасал рукава и, поднявшись, принялся ногами дубасить по нежному телу полуобнаженной девушки.

— Что не доделает русский штык... — говорил, готовясь нанести очередную порцию побоев, поп, — доделает русская школа, сволочь! Подстилка ты этакая, черт бы тебя побрал! — кричал батюшка и принялся с силой наносить удары прямо в промежность девушки. Она кричала и, скукожившись в позе эмбриона, пыталась защититься от взбесившегося служителя церкви.— Шалавень ты чертова! — крикнул священник и, схватив ее за волосы, с силой ударил об колено, оставив кровавое пятно на рясе.

«Марыська чарнаброва, галубка мая», — повторяла девушка про себя, ощущая, как что-то, похожее на исцеление, снисходит на ее тело.

Когда у Марыськи иссякли силы к сопротивлению, а

боль от ударов в голове и теле смешалась в единый засасывающий в себя водоворот, она расслабила мышцы, а тело и душа отдались на волю року. Довольный батюшка, завидев покорность девушки, аккуратно раздвинул ее ноги, усыпанные гематомами. Слегка вытерев рясой от крови промежность, он, сопя, пододвинул тело к себе.

— Вот теперь совсем другое дело! — довольно произнес батюшка и опустился своим тучным телом на Марыську.

Она же практически ничего не ощущала. Лишь только то, что где-то там в темнице Кастусь, быть может, думает о ней.

Рим

Степа ходил по ночному микрорайону и хищно озирался по сторонам, будто невидимые человеческому глазу призраки исподтишка наблюдали за ним. Он был невысокого роста, наголо бритый, и по этой причине было трудно понять, сколько лет этому страннику, что казался потерянным в муравейнике белорусской столицы.

Каждую ночь он ходил между высоток, окна которых местами даже были наполнены светом — от электрических лампочек. Степа не замечал этого света, ему нужны были лица людей, черты которых были сокрыты под покровом ночи, сглаживающим все линии и формы.

На его пути, во дворике, где на детской площадке было припарковано несколько дорогих иномарок, сидела молодая пара.

Степа незаметно подкрался к влюбленным сзади и выждал момент, когда парень своими губами едва коснулся губ девушки, прикрывшей глаза, чтобы растянуть удовольствие от этого примитивного, но значимого в отношениях полов жеста.

— Молодые люди! Молодые люди! — крикнул Степа. От его пронзительно-резкого вскрика девушка вздрогнула и вероятно испугалась, прикусив случайно язык парня. Тот недовольно повернулся к Степе, который

стоял и смотрел на них, сжимая в правой руке полиэтиленовый пакет с нанесенным с обеих сторон рекламным изображением. Утерев правым рукавом слюну и кровь, парень злобно произнес:

- Тебе чего надо? в это время девушка, явно обуреваемая порывами интуиции, поняла, что грядет чтото неладное. В предчувствии этого она крепко сжала рукав куртки своего бой-френда, но вслух ничего не сказала.
- Мне бы папироску, дядечка, больно уж курить хочется. А город-то пустынный совсем, люди-призраки в нем теряются... когда Степа произносил слова, глаза его как-то странно закатывались, обнажая белки цвета грязной простыни. Под покровом ночи даже казалось, что глазницы его блистают дьявольским свечением.

Парень, сжав зубы и подавив в себе острое желание разбить нос нежеланному ночному гостю, полез в карман куртки и достал оттуда пачку импортных сигарет. Нащупав одну, он протянул ее Степе. Тот подбежал, взял ее и тут же положил в рот. Пожевывая фильтр, он выразительно произнес:

- Они убивают вас, лучше не вдыхайте производное от сатанинских палочек, граждане! не дожидаясь ответа от молодой пары, он побежал в глубину района искать новых прохожих, которые, как обрисованные Ницше серые массы отказывались его принимать.
- Долбоеб какой-то! произнес злобно парень и посмотрел на свою девушку. Как дела, Катя? спросил он у нее. Та в ответ выдавила кое-как из себя улыбку;
- Я испугалась... глубоко вдохнув воздуха, она добавила: Давай покурим и пойдем отсюда...

Екатерина Федоровна Ковалевская. Умерла в возрасте 21 года от рака. Особые приметы: родинка на правой щеке.

Степа двигался по одной из многочисленных вьющихся от центра города улиц. Опять ночью. Как ни странно, в отличие от провинциальных городов, улицы Минска были утыканы фонарями, большая часть которых исправно светила с наступлением темноты. Искусственный свет не смущал Степу. И вот ему снова улыбнулась удача: в метрах ста от него находилась телефонная будка, а в ней просматривалось что-то, похожее на очертания человеческой фигуры. Парень радостным шагом подошел к телефонной будке, в которой, на удивление, не было выбито стекло. В пространстве этого отрезка телефонной связи стоял мужчина в пальто и шляпе. Всем своим видом он напоминал настоящего джентльмена из американских кинофильмов пятидесятых годов.

— Hyap! — прошептал про себя Степан и тут же решил как можно скорее установить контакт с интересующим его объектом.

Парень прижался носом к телефонной будке и принялся пакетом, в котором лежало что-то квадратное, бить по стеклу. Удары были несильными, поэтому на стекле не осталось и царапины, но звонящего куда-то в столь поздний час мужчину это немного разозлило.

Он вылез из будки и гневно посмотрел на Степу. Через несколько секунд «джентльмен» низким голосом произнес:

— Чего вам угодно, странствующий в столь поздний час юноша? — не дожидаясь Степиного ответа, он задал еще один риторический вопрос: — Вы разве не видите, что я сейчас разговариваю?

Степу за язык тянуть не надо было, и он выпалил тираду фраз:

— Понимаете, дяденька, дело-то неотложное. Мне надо срочно-срочно позвонить. А я вот не умею,

книжки-то читал, но в школах этих ваших совсем не учился, дяденька. Вы помогите мне, пожалуйста, будьте добры. Будьте, дяденька... — как это обычно бывало со Степой, глаза его закатывались. Но не только от этого у мужчины сложилось впечатление, что молодой человек немного не в себе.

- Ну что тебе, говори уже? утомленно и вместе с тем настороженно произнес мужчина. В ответ Степа молча улыбнулся и достал из пакета единственный предмет, который там покоился на протяжении всего времени. Это была книга в черной обложке. Было непонятно, о чем она и что из себя представляет вообще, так как кроме черного цвета обложки она ничем таким больше не выделялась.
- Что это такое? спросил мужчина, взяв книгу в черном переплете в руки. И тут по его телу пробежала мелкая дрожь, будто книга была сильно наэлектризована.
- Телефонный справочник города Рима, гордо произнес Степан. Издание 1907-го года.

Весь в смятении мужчина пробубнел:

- Тебе в Рим, что ли, звонить надобно? он попытался взглянуть в глаза Степана, но его взор наткнулся лишь на их метафизическое отсутствие. Физически-то они были эти самые глаза но смотрящий в них утопал.
- Не совсем, дяденька: мне надобно в Ватикан позвонить. Там сейчас сидит мой хозяин, он ищет душу мою, но не может найти. И мне, дяденька, показаться бы надо, иначе отругают как мальца-проказника.

Почувствовав страх в глубинах своего внутреннего «я», мужчина тут же кинул книжку на мокрый асфальт и, послав мальчика куда подальше, быстрым шагом побрел куда-то прочь, оставив парящей в воздухе трубку теле-

фонного аппарата. Трубка висела на проводе, и, словно на ветру, раскачивалась из стороны в сторону, в такт коротким гудкам, которые краем уха слышал Степан.

— Ну и ладно! — обидчиво произнес парень и поднял книгу, которая ничуть не испачкалась к его превеликой радости.

Аркадий Валерьевич Валерьянов. Попал в ДТП со смертельным исходом ночью на перекрестке. Особые пристрастия: разыгрывал людей по телефону.

Женщина лет шестидесяти вышла на балкон посмотреть, что делается ночью во дворе, в том самом уголке города, где она провела всю свою молодость. Двор был необычайно пустынным. Не было слышно даже редких компаний, состоящих из молодежи и распивающих исключительно водку. Но, присмотревшись, женщина увидела молодого человека с пакетом, который ходил вокруг песочницы. Когда он сделал очередной круг, женщина окликнула странного незнакомца.

Он повернулся и крикнул громко и отрывисто: «A!— A! — A!». После этого женщине стало плохо.

Тамара Павловна Абрамчик. Совершила самоубийство. Облившись бензином, женщина подожгла себя, сидя на лавочке возле подъезда. Возможные мотивы: была разведена с мужем.

Степа сидел один на парапете где-то на окраине Минска. Возле него, раскинув кривые ветви деревьев, располагался парк. Вид его ночью напоминал болото, не хватало только туманной завесы и лягушачьего кваканья. Степа плакал, потому что ощущал себя в этом сером мире ненужным. Вскоре к нему подошли два милиционера и поинтересовались, что он здесь делает и какие «тайны» хранит в пакете.

— Я просто сижу и жду, когда придет чудо! Вы тоже этого хотите, уважаемые стражи порядка? — спросил парень и улыбнулся. Это был первый случай, когда люди обратились к нему первыми.

Но в ответ он не встретил одобрения у беспристрастных борцов с преступным беспределом. Эти суровые люди еще раз настойчиво попросили показать, что у Степы в пакете. И в это самое мгновение парень исчез, обиженный таким грубым непониманием.

Больше его никто не видел.

Убийцы невест

- Основное наше оружие для поражения цели осколочные гранаты и взрывчатка. Запомни это, про-изнес низким приятным голосом юноша своему другуровеснику. Самое главное в нашей работе никого не жалеть. Они этого заслужили.
- Я пониманию, ответил ровесник. Он одобряюще кивнул головой, пристально разглядывая блестящую и внушающую трепет гранату. В захламленном подвале с тусклым освещением она выглядела наиболее совершенным предметом по своей форме и содержанию.

«Общественно-полезная группа «Убийцы невест» — гласила вывеска на одной из безликих и отсыревших подвальных стен. Саша положил гранату в металлический ящик, где таких же было еще несколько, но вскоре должно было остаться намного меньше, как и самих молодых людей, возглавляющих эту странную организацию.

- Ну что, значит теперь ты с нами? спросил Саша, оценивающе разглядывая нерешительного молодого человека, перешагивающего с ноги на ноги и часто чихающего, видимо, от мучительной аллергии на пыль.
- У меня не остается выхода, озвучил свои сокровенные мысли новоявленный член радикальной группировки. Мое имя будет простым: Ровесник.

Саша в ответ усмехнулся и пару раз хлопнул по плечу Ровесника. Тот в ответ смущенно заулыбался, и, заперев замки на стальных дверях, они побрели в гущу минских многоэтажек — вроде бы как нормальными, ничем не отличающимися от общей массы людьми.

Среди домов, в хаотическом порядке разбросанных по микрорайону, как-то ненароком затерялся обшитый пластиком ларек с газетами, сигаретами и всяким прочим повседневным ширпотребом, жизнь без которого была бы немыслимой. Саша подошел к окошку киоска и дружелюбным тоном попросил продать ему свежий выпуск ежедневной новостной газеты, пестрящей заголовками и вкрадывающимися в текст цветными картинками. Как это и положено для прессы, газетные полосы были заполнены пугающей сухой статистикой и второсортными анекдотами вперемешку с непонятно кем и как составленными гороскопами. Все было профессионально сделано для того, чтобы народ «схавал».

— Вот, Ровесник, мы опять на первой полосе, — раскрыв газету, отдающую типографской свежестью, произнес Саша. — Точнее, не мы, а Берсерк. Погиб во время исполнения своего долга перед будущим всего мира.

«Теракт в здании ЗАГСа Октябрьского района. Не успев повенчаться, невеста с женихом отправились в рай». Кричащий заголовок, в котором Ровесник про себя отметил скрытую журналистскую иронию. Быть может, так проявлялась мания величия автора, но многие анонимные участники организации считали, что некоторые представители старого общества им подпольно симпатизируют.

Ровесник бегло просмотрел не интересный ему текст. Он прекрасно сознавал, что судьба Берсерка постигнет их всех. Но ему не было страшно по той простой причине, что всех участников этого действа объединяла некая

мистическая идея, толком о которой ничего не знал никто, но каждый в душе что-то чувствовал.

- Для чего мы это делаем? поинтересовался Ровесник у Саши, который был матерым в этих делах.
- Ха! Для того чтобы изменить эту систему, произнес Саша и посмотрел в зеленые глаза Ровесника. Прочтя в них непонимание, он добавил: — Я имею в виду, мы выступаем против системы, которая вводит человека в систему. Что такое кухонное рабство, знаешь?

Ровесник в ответ кивнул головой, и они не спеша зашагали по тротуару к центру города.

Саша служил в армии. Саша был сапером. Или его обратной стороной — подрывником. Саша мог с закрытыми глазами обезвредить бомбу. В таком же состоянии он мог собрать несколько предметов в полностью работоспособный боевой заряд. Пока Саша служил в армии и мечтал о спокойной жизни на гражданке, его «верная» девушка вышла замуж за другого. Естественно, что, когда он вернулся из войск специального назначения, дом, где она с женихом счастливо проживала, не вспоминая про Александра, томившегося во имя служебного долга, случайно взорвался, унеся жизни троих — немецкой овчарки, еще одной суки и ее мужа, имя которого Саша не знал. Больше всех ему было жалко собаку, которая стала жертвой обстоятельств. Он по сей день был не уловимым для правоохранительных органов, словно кто-то свыше его берег во имя важной миссии на земле.

С Ровесником приключилась другая история...

Сейчас они вместе с Сашей садились в троллейбус, покидая пространство аккуратной остановки, лишь слегка присыпанное окурками от сигарет. Как раз когда они проходили мимо этого места, полупустой троллейбус остановился, распахнув свои двери для немногочисленных ожидающих его тут пассажиров. Тут, на окраи-

не Минска, он был совсем еще не заполненным. Но как только транспорт будет подъезжать ближе к центру, в нем уже почти не останется свободного места.

Саня и Ровесник старались держаться ближе к дверям и, постепенно подобравшись на транспорте к исторической части города, вышли на шумную улицу, наполненную случайными прохожими.

- Смотри! саркастически произнес Саша и указал рукой на парня и девушку, которые шли перед ними.
- Ага, улыбнулся Ровесник, потенциальные клиенты.

Несмотря на то, что Ровесник улыбался, в душе его щемила бесконечная тоска и грусть о потерянном. В такие минуты полной душевной агонии в нем зарождалась потребность убивать.

Сейчас они шли на встречу со связным, который даст очередную наводку. Была среда, а это значит: еще пару дней — и суббота. В субботу свадьбы в последние годы играли только богатые люди. Те, кто победнее, посвящали этому обычаю будние дни. Все — из-за деятельности организации, чьи сети уже давно достигли масштаба если не мирового, то общереспубликанского точно. Опасный ритуал обычные люди предпочитали проводить как можно дальше от столицы и больших городов в провинциальных ЗАГСах. Там «убийцы невест» не всегда могли их достать. На выходных, как это уже было отмечено, свадьбы делали только богатые. Они, власть имущие, верили, что данный ритуал не искоренить никаким террором. Богом данный обряд венчания, любимым государством — штамп в паспорте.

Саня знал, что этому когда-нибудь придет конец, и, быть может, в учебниках по истории о них напишут как о первых «народниках» XXI-го века.

Внезапно возник странный шум, переходящий в гро-

хот, не характерный для городского проспекта. Ровесник и Саня обернулись, как и большинство прохожих. По дороге обгоняемый обычными легковушками ехал свадебный БТР, выкрашенный в белый цвет. С учетом обстоятельств, аренда изящных лимузинов оказалась в далеком прошлом. За боевой машиной вместо свадебного картежа из автомобилей друзей и родственников двигался грузовик со спецназом.

— Вероятно, едут к ЗАГСу Московского района, — усмехнувшись, произнес Саша. — Точно не в Партизанский или Заводской.

Саня говорил так, потому что сам лично руководил подрывом двух последних. Месяц назад два ЗАГса превратились в руины, унеся с собой жизни порядка ста пятидесяти человек. Дело как-то пытались расследовать, но подрывники были фактически не уловимы. Кроме того, не существовало четких фотороботов предполагаемых «преступников».

— Не думаю, — задумчиво произнес Ровесник. — Скорее всего, в Дом бракосочетаний на Коммунистической улице. Войти в систему решил кто-то богатый...

У Саши зазвонил телефон. Порывшись по широкому карману черных военных штанов, он извлек этот небольшой, но жизненно важный кусок пластмассы, передающий боевые сигналы.

- Да... только успел сказать Саня, как ему последовал четкий ответ.
- Встречаемся сегодня на «великолепном фонтане», есть срочное дело, после этих слов сразу послышались короткие гудки. Но Саня понял все, что ему было нужно.

Вдвоем они подались на ближайшую станцию метро и поехали на «Каменную горку». Опять же — один из подвалов сейчас был экстренно укомплектован членами группировки «Убийцы невест».

Через каких-то полчаса все были уже на месте. Кроме Ровесника и Сани, в подвальном помещении (уже пошире, но от этого еще более сыром) находилось в общей сложности человек пять. В центре, за импровизированной кафедрой из картонной коробки находился торжественный атлетического телосложения юноша, наголо бритый. Глаз его не было видно: юноша носил темные очки. Никто из присутствующих не знал, как его зовут. Сам он величал себя Бесом.

— К нам поступили сведения, что будет свадьба крупного чиновника в Доме бракосочетаний. Свадьба будет через три дня. Все держалось в тайне, поэтому никто из наших ребят не успел подготовиться. Кроме того, они уже сегодня начали расстановку сил спецназа и снайперов.

Чиновничий аппарат, несмотря на весь страх и чрезвычайное положение, которое периодически вводилось в охваченном анархией городе, пытался всем доказать таким образом, что ситуация полностью под контролем. И в этот раз они хотели сделать все возможное, чтобы свадьба прошла на «ура». Но Бес не собирался сдаваться. По одному его виду можно было сделать вывод, что он готов погибнуть ради своей цели.

- А что, если это подстава? поинтересовался невысокого роста парень с черными усищами, свисающими подковой. Что, ежели они заманить нас хотят в ловушку?
- Тогда наша задача их перехитрить... ответил Бес. Далее комната наполнилась тишиной. Боевики в этот момент думали над тем, как лучше всего провести операцию.

Первым из всех примерный план предложил Ровесник:

- Если мы точно знаем, что при лобовой атаке нас порвут как тузик грелку, нужно искать альтернативные пути... Взгляды всех присутствующих сфокусировались на новобранце Ровеснике. Как у каждого серьезного общественного места, у этого есть своя система безопасности...
- Продолжай... в замешательстве произнес Бес, почесывая небритый подбородок.
- Так вот. Я более чем уверен, что в этом здании есть своя система пожаротушения, которая в случае возникновения дымовой завесы или огня начнет поливать водой всех и вся. Нам необязательно кидать туда гранаты можно подключиться к системе водоснабжения и пустить по трубе сжиженный газ или кислоту...
- Да. Это было бы круче смерти... с энтузиазмом произнес Бес. То, что надо. Только где нам достать кислоту или этот газ сжиженный, как ты говоришь...
- Это половина проблемы... отозвался карлик с усами. Нам нужно будет еще подобраться к системе водоснабжения...
- Оставьте это мне. Я в свое время заканчивал училище как раз таки на сантехника. У нас практика была в Доме бракосочетаний. Там несложная система. При наличии сварочного аппарата и доступа к канализации я бы мог сделать все необходимое.

Позже, подключив к заданию всех законспирированных участников, «убийцы» все же нашли одного химика. Человек жил в Брянске и был готов отозваться. По прозвищу Халк, он в свое время учился на химическом факультете одного из провинциальных вузов, потом в армии служил в химических войсках. Человек был крайне полезным и зарекомендовал себя во время одного из очередных рейдов на московские ЗАГСы. Этой же ночью Бес поехал на своем авто к брянскому товарищу, и уже на

следующее утро в Минске на подпольном складе стояли две небольшого размера бочки с люизитом — жидким веществом кожно-нарывного действия. Бес бухнулся спать прямо на матрас в подвале, а прикомандированный Халк вместе с Ровесником принялись рассматривать бочки.

Халк был невысокого роста, в очках, весь взлохмоченный. Вероятно, он часто злоупотреблял алкоголем и абсолютно за собой не следил. Однако это ему не мешало в нужный час приходить на помощь.

- А ты где взял вообще, если не секрет? спросил Ровесник у Халка.
- А у нас в области самое крупное хранилище всех этих благодатных веществ. Город Почеп, если знаешь, где это. Но я уверен, что ты не знаешь... произнес Халк. Ровесник в ответ промолчал.

27 сентября 2014 года в городе Минске в Доме бракосочетаний был совершен теракт, поразивший мировое сообщество своей звериной жестокостью. В помещении ЗАГСа террористы через систему тушения пожаров смогли распылить химическое оружие кожно-нарывного действия. В результате около пятидесяти человек получили ужасные увечья. Несколько машин скорой помощи, которые следовали на место происшествия, были расстреляны из автоматов. Одного из террористов удалось задержать, но тот подорвал себя и троих сотрудников милиции гранатой.

- Помянем Беса... с грустью произнес Саня.
- Покойся с миром! произнес Ровесник. Глядя на него, можно было подумать, что тот готов в любой момент расплакаться. Ему было жалко Беса, потому что этот высокий атлет любил свое дело и погиб ради светлого революционного будущего...

Они сидели в тесной комнате одной из законспирированных квартир в одном из районов белорусской сто-

лицы. Об этом месте почти никто из команды не знал по той причине, что здесь жил самый главный. Он старался не светиться даже среди своих, но, так как людей в группировке становилось все меньше и меньше, Ровесник и Саша сегодня могли удостоиться чести получить указания лично от Главного.

Внезапно входная дверь открылась. Ровесник тут же среагировал, рисуя в своем воображении предположительных гостей: это либо сотрудники Комитета государственной безопасности, либо сам Главный. Дверь в комнату открылась, и вошла хрупкая девушка лет восемнадцати. Единственное, что придавало величия ее изящной внешности — это полыхающие внутренним пламенем зеленые глаза.

— Привет, бойцы! — бодро произнесла она. Ее прокуренный голос был одновременно писклявым и твердым.

Саня и Ровесник в ответ встали, кивнули головами в такт и уселись на матрас. Главная кинула на пол пакет, из которого выкатилось несколько яблок. Одно из них она подфутболила, и фрукт прикатился прямо к Ровеснику. «Угощайтесь» — вероятнее всего, означал этот великодушный жест. Ровесник принялся нехотя грызть яблоко, а телефон Сани тем временем разразился звонком. Саша что-то пробурчал о том, что скоро будет на месте. Главная повернулась и повелительным тоном произнесла:

— Останешься здесь, Ровесник! — в ответ парень просто кивнул головой. Мало кому посчастливилось видеть главного руководителя законспирированной революционной организации. Но, как ни странно, она знала всех в лицо. Саня ушел, а Главная между делом поставила кипятить на плиту воду в кастрюле и достала из пакета несколько пистолетов. Она кинула их Ровеснику на матрас.

- Их нужно почистить: скоро пойдут в дело, произнесла Главная и вскоре высыпала пачку покупных пельменей в кастрюлю.
- Как тебя зовут? спросил Ровесник. Главная повернулась, женственно держа в руках ложку и после минутных раздумий произнесла:
  - Меня называют Кариной.

* * >

Саня вышел из подъезда и подошел к черной трансформаторной будке, что была спрятана в глубине домов. Все шло без каких-либо значительных отклонений. Осмотрев нужный объект, Саня ногой сбил подпиленный замок и раскрыл небольшого размера черную сумку. В ней лежало несколько важных для операции предметов: обрез с двумя патронами, фотография девушки, черная маска. Оперативно поступивший звонок означал, что жертва покинула свой охраняемый дом и самостоятельно направилась в магазин, наивно подозревая бойцов в неведении.

— Черт возьми, я подрывник, а не стрелок! — выругался Саша. По всей вероятности, из опытных и проверенных людей в зоне доступа оказался только он.

Саня быстро упрятал обрез в пальто и посмотрел на фотографию.

— Какая ты милая девочка... — произнес он со злой иронией, всматриваясь в бездну голубых глаз, ограниченную разрешающей способностью фотоаппарата. Маргарита через несколько недель должна была выйти замуж за обеспеченного человека. Саша должен был не допустить этого.

Вскоре он подошел к одному из магазинов. Каждое утро заботливая Маргарита покупала в нем молоко. Когда Саня оказался на месте, она как раз выходила из «Продуктового рая». Боец обернулся по сторонам и,

убедившись в отсутствии случайных свидетелей, подошел к девушке, держащей в руках пакеты с едой.

— Могу вам помочь, дорогая дама? — бодро произнес он. Девушка, явно, почуяла неладное и хотела было бросить купленное и бежать прочь, но не успела. Одним ударом Саша повалил ее на землю. Придавив ботинком правую руку лежащей на спине девушки, он тут же достал обрез и выстрелил ей в ладонь сначала один раз, потом — второй. Нежная румяная ладонь разлетелась, как нашинкованный кочан капусты.

Выстрелы эхом разнеслись по микрорайону. Через минуту им вторил крик изуродованной девушки. Саня кинул обрез на землю и понесся прочь. Где-то там был коллектор. А в нем можно было переждать, и сменить одежду, и подумать о том, что опасно носить на пальце кольцо, ибо можно потерять из-за этого руку.

Карина и Ровесник были в это время дома.

Когда раздались выстрелы, они лежали на матрасе и занимались сексом. А потом она курила, а он смотрел в потолок и уже не впервые задавался вопросом: «А правильно ли мы поступаем, пытаясь сломать старую систему?» Карина поднялась и одела на свое худощавое, но по-женски привлекательное тело махровый халат. Она подошла к маленькому столу, на котором лежали тщательно вычищенные и смазанные пистолеты, и взяла один из них. Вставив обойму, она направила ствол на Ровесника. Он ждал этого.

- Ты слишком слабый, Ровесник. Прости, произнесла она, нащупав пальцем спусковой курок.
  - Не я, а ты, коротко ответил Ровесник, зевая.
- Как ты попал к нам? спросила напоследок Карина.
- Знаешь, то, что было когда-то реальным, сегодня кажется таким фантастическим, особенно когда об

этом вспоминаешь. Думаешь об этом каждую ночь, и заснуть не можешь. И эта фраза, что постоянно вертится в голове: «Я выхожу замуж, нам надо расстаться». Когда слышишь сказанные твоим... — Ровесник на мгновение запнулся, а Карина вздрогнула. — Когда слышишь сказанные ее голосом эти роковые слова, возникает противное ощущение, что все происходящее не реально. Что все это не с тобой и где-то далеко, в совершенно другом мире. После этой фразы мы расстались и, наверное, больше не виделись. Никогда. Почти. Ты...

Карина напряженно слушала монолог Ровесника, но после сказанного «ты» не выдержала и все-таки нажала на курок пистолета ТТ. Громкий хлопок, легкий испуг, аромат пороха — и голова Ровесника, расколотая надвое. Стены и пол грязные. С вкраплением бренного внутреннего мира уже мертвого человека.

Карина села рядом с обезображенным трупом и расплакалась. Она все же оставила того мужчину, но не забыла ночь, когда по телефону сказала своему тогда еще совсем юному и наивному возлюбленному «я выхожу замуж».

Ангар

Сырость, казалось, не просто пропитала это странное помещение, а была самой настоящей сущностью его. Освещение совсем плохое — но если присмотреться внимательно, можно было разглядеть островки густой черной плесени, обильно расселившейся по углам и на стенах.

Каждый, даже самый слабый звук отзывался странным, почти фантастическим эхом от металлических стен ангара — просторного, словно усыпальница какого-то императора давно канувшей в лету разворованной империи.

Ровным строем в четыре шеренги стояли солдаты, глядя на древко оборванного, сгнившего в безвременьи флага. И строй их был весь такой подтянутый, аккуратный. По команде они были готовы в одну секунду сделать шаг вперед, утаптывая пыль в землю. Но команды не было, и как немые манекены они стояли в томном ожидании грядущих сражений, несущих славу и почет.

— Рота! — послышался грубый таинственный голос из недр ангара. — На выход!

И медленно, словно восходящее над Воркутой солнце, где-то вдалеке ворота ангара начали подниматься, впуская внутрь странный, очень яркий, слепящий свет. Бойцы двумя руками ухватились за свои автоматы и шагом, сопровождаемым звуком гремящих каблуков, двинулись в направлении исходящего снаружи сияния. Шаги их слились в единый грозный шум, больше напоминающий гул какого-нибудь громадного завода первых сталинских пятилеток.

Их бесконечная колонна вступала в этот свет, и силуэты доблестных воинов терялись, растворяясь в этом странном свечении. Но никто из них не дрогнул — все как один погрузились в лоно вечности.

Рядом с ангаром стояли две молоденькие девчушки в красных накрахмаленных юбочках и с гвоздиками в руках. Лица их были живыми и, как ни странно, абсолютно одинаковыми. Девочки были близнецами.

- Солдаты отправились в бой... произнесла одна из них хриплым прокуренным голосом...
- Да... ответила вторая нежно и подобострастно, голосом доступной обывателю самки.

Отсчитывая нужный момент, они одновременно подкинули свои гвоздики к небу, и, как только первые яркие лепестки сорванных цветов достигли холодной земли, девочки исчезли.

А вместо них появилась новая колонна солдат. Таких же рослых и одетых в камуфляжную форму «с иголочки». Тот же голос произнес:

— Рота! На выход! — ответ последовал в виде шума стройного солдатского шага, разбавленного опаздывающим эхом. Ворота ангара дарили им свет и, может быть, спасение в лучшем мире, в который они с триумфом восходили после всех невзгод мирской и армейской жизни.

Измученные девочки с розами стояли где-то поодаль, заматывая свои лица серыми платками и ими же утирая скупые, но искренние слезы поруганной женской верности. Ворота ангара закрывались, девочки продолжа-

ли плакать. Но плач их не был слышен в убийственной тишине пустующего ангара.

- Что с Серегой? детский голос изредка раздавался в хоре муравейника панельных домов.
- В Чечне Серега... отвечала женщина, а рука ее выкапывала маленькую, но глубокую ямку в сыром песке.
- А когда он придет? Скоро? все так же назойливо сыпались вопросы, жалящие материнское сердце...
- Скоро... скоро... скоро быстрый шепот совсем перебивал дыхание. Воздух с запахом гари заполнял легкие, а белки глаз скрывались за столетней пылью, осевшей кое-где мутью сточных вод умершего города.

* * *

- Я предан честью своей Родине! твердил новобранец Максим.
  - Ах, так? Ну тогда получи...

Летучие кулаки атаковали его тело, разбив губу и слегка ускорив сердечный ритм.

— Я люблю Россию!

В ответ — множественные удары ногами и руками странных людей в военной форме.

— Я предан своей Родине! — крикнул что было сил Максим, напуганный своим же состоянием полнейшего отчаяния...

Послышался выстрел.

В центре ангара стоял один единственный человек и держал в руках фуражку. Человек долго и пристально разглядывал помещение, пытаясь выловить в нем призраков дезертиров. Но их не было — как летучие мыши, призраки окунулись в состояние межвоенной спячки.

Человек надел фуражку и ушел в темноту. С тех пор в ангаре стало пусто, скорее, даже как-то неуютно.

* * *

— Бабушка, я написала сегодня стихотворение! — бежала краснощекая внучка, тряся на ходу заляпанным листом некогда белой бумаги, исчерканной плодами детского творчества.

Штурмует Ми-24 Отряды террористов злых Все здесь теперь в грязи и пыли В разгаре действий боевых

— Это плохой стишок... — произнес дедушка, киномеханик со стажем и загубленной печенью. Он погладил свою седую бороду, потом посадил на колени к себе внучку и прошептал ей на ушко: — Где ты это услышала, моя девочка?

Она в ответ захихикала, тихо пояснив, что «показывали такое по телевизору», а неизвестные слова сами чудным образом превратились в рифмованные строчки.

А тем временем ангар наполнялся беспорядочным стадом гражданских, и среди всеобщего ора и паники трудно было понять смысл происходящего. Двери ангара больше не открывались.

Скоро будет 1997-й год — гласила вывеска в магазине. «Что он нам несет?

Власть в России — явление феноменальное. Пройдут тяжкие месяцы вывернутой наизнанку стагнации, и душою омолодится порочная держава, и Отечество восхвалит своих верных сынов».

Труп ребенка. Части тела какие-то — неясные силуэты призрачных мечтаний.

— По моему приказу: огонь! — трещала рация.

Серега подбросил несколько дров в печку, и они вспыхнули как спички.

Кругом возвышались кресты, и среди них — одинокий генерал, удерживающий обильную массу своего тела гнилым самодельным костылем.

- Семенов!
- Гав!
- Иванов!
- Гав!
- Рязанов!
- Гав!
- Ивашкевич!
- Гав!
- Пес-ню за-пе-вай!
- Ууууууу... слышался собачий вой на кладбище. Генерал снял свою фуражку и бросил на землю. Она сгнила. Звезды осыпались. Небо озарилось искрами и дырявыми парашютами.
- Я больше не буду писать стихи... произнесла девушка, аккуратно складывая квадратиком чистый лист. Она положила его на мертвое тело Сереги, и лицо солдата укрыли прощальные поцелуи вместе с дождевыми каплями солено-слезной воды, в последний раз омывшими его грустное лицо.

Гроб закопали. Крест — ржав и одинок, но вечен в своем материальном воплощении.

Беседы

Солнце зашло за горизонт. Потемнело. Свет в мутных окнах погас.

Оля легла спать, и началась беседа.

«Кастрюля. Кастрюля. Гав-гав-гав», — слегка подавленный голос разносился по комнате, не привлекая никакого внимания.

Витя лег спать, и началась беседа.

«Фуру угнали. Фуру угнали. Фуру угнали». Он волновался, и легкая испарина покрывала его морщинистый лоб. Немного поворочавшись, Виктор погрузился глубже в неизведанные миры своего подсознательного, и его говор сменился невнятным мычанием.

Пьяный Федот завалился спать на кушетку, получив сковородкой по лицу от тучной жены. Не снимая засаленной куртки и дырявых брюк, он спал, изредка тяжело вздыхая и почмокивая. Жена ушла в другую комнату и под звуки беснующегося телевизора, прикусив нижнюю губу, сомкнула глаза.

Юная Аня первый раз со старшеклассниками курила траву. Единственным ее желанием было поскорее дойти домой и лечь на кровать, чтобы мир вокруг начал двигаться быстрее. Но ей казалось, что она топчется на месте, а родная панельная девятиэтажка еще очень далеко.

Она легла на снег и сомкнула глаза.

Владимир Геннадьевич проверял ученические тетрадки. Он решил на минутку закрыть глаза, опершись на правый локоть. При свете ночной лампы и треске радио он уснул и видел странные цифры, что двигались по неправильным орбитам.

«Аааа.. нахх....» — сказал Михалыч и плюхнулся в сугроб, не удержав равновесия на скользком насте. Очнулся он в реанимации с ампутированными руками через четыре часа.

Дядя Слава нервно натянул на себя одеяло и прижался коленями к стенке. Он всю ночь читал или, скорее, сочинял молитвы и ближе к утру отключился. На следующий день он зарезал собственного сына и останками его с гордостью кормил соседских голодных собак.

Бийская принцесса

Молодой человек открыл глаза и увидел над собой козырек автобусной остановки. Прозрачно-матовый, он был проломан в нескольких местах местными богатырями. Виднелись яркие звезды. Слегка потянувшись, он встал на ноги и ощутил легкое головокружение и подступившую тошноту.

— Где я? — произнес он вслух и тут же закашлялся. Но на пустынной улице никто не мог ему ответить, а внутренний голос подсказывал, что он сейчас где-то далеко от дома.

Посмотрев по сторонам пустынной дороги, окаймленной нерабочими фонарями, он побрел по направлению к кованому металлическому забору. За ним виднелись очертания красного кирпичного строения, напоминавшего здание средней школы или ПТУ.

Где-то вдалеке слышались крики молодых людей. Они балагурили и, вероятно, распивали пиво, попутно рассказывая что-то смешное друг другу. Очнувшийся ночной странник решил пойти по направлению голосов.

За его спиной проехало несколько автомобилей. Быть может, транспортная колонна военных. Услышав рев моторов, парень неведомо чего испугался и метнулся в кусты.

«Автомобиль. Колеса. 4. Едут. В собачнике трупы», — внезапно всплыло несколько бессвязных фраз в голове у потерявшего память странника.

Прильнув к земле, он разглядел очертания восседающих на лавке школьников. Чуть поодаль находилась какая-то подсобная постройка. Человек пополз вдоль кустов, стараясь создавать как можно меньше шума. Оказавшись за постройкой, он привстал и осторожно выглянул из-за угла. Три парня и две девочки. Среднего школьного возраста. Решив, что они не представляют опасности, он выпрямился во весь рост и не спеша двинулся к ним.

При виде приближающегося человека сидящие замолкли. Вместе с шагами незнакомца в души их пробирался первобытный страх. Бледные, они едва могли шевелить языками, когда чужак приблизился к ним на расстояние одного метра.

- Кто вы такие? грозно спросил он, пытаясь сквозь ночную темноту вглядеться в напуганные лица.
- Н-н-никто... выдавил из себя один из мальчишек, попятившись назад. Сделай он резкое движение, и вся толпа тут же бросилась бы врассыпную. Но какая-то неведомая сила удерживала их на месте.

Человек хотел было задать еще вопрос, как вдруг одна из девчонок, сообразившая, что с дядей что-то приключилось, подошла к нему и положила свою теплую ручонку на его холодный, покрытый кровавой коркой лоб.

— Успокойся! — сказала она волшебным, гипнотическим голосом, отчего незнакомец расплылся в наивной детской улыбке и упал перед ней на колени. Почуяв неладное, четыре оставшихся подростка дали деру, оставив свою подругу наедине с гостем. Они так и не увидели, как глаза ее загорелись дьявольским свечением.

Она убрала руку со лба незнакомца и присела рядом с ним на корточки.

- Ну чего ты расстроился? Ну, чего? обхватив своими тоненькими ручонками шею мужчины, она прижалась к его лицу, измазанному чужой кровью.
- Кто я и где я? спросил незнакомец внушающим сочувствие голосом у своей новообретенной знакомой.
- Ты в Новосибирске. На улице Титова. Возле нашей школы, ответила девочка и по-сестрински, едва касаясь кожи, поцеловала его в щетинистую щеку. Облизнув губы, она ощутила металлический привкус крови.
- Сибирь.... процедил сквозь зубы молодой человек, закатил глаза и, завалившись на спину, принялся кричать что-то нечленораздельное.

Девочка сидела на корточках и смеялась.

— Сибирь! — восторженно крикнула она, заливаясь звонким смехом. — Представляешь, да?

У лежащего незнакомца начался приступ эпилепсии, и на испачканном кровью лице проступила пена. Чтото неразборчиво мыча, он протянул трясущиеся руки к звездному небу. Тем временем девушка сняла резинку и распустила свои длинные рыжие волосы. Она принялась шагать вокруг бьющегося в конвульсиях незнакомца, словно шаман у ритуального костра. Плавно обводя в воздухе руками импровизированные геометрические фигуры, она начала свой рассказ:

- Это 48-я школа, здесь работает театральный кружок для детей с особенностями психофизического развития «Живое слово». А еще сюда часто приходил странный дядя, очень похожий на тебя, и забирал с собой маленьких девочек показывать им приключения, и те пробовали свои первые сигареты в туалете, где курят взрослые мальчики.
  - Он клал девочек в во-о-от такие большие сумки!

— воодушевленно продолжала подросток, широко расставив руки и делая ими круг. — Я тоже, когда была маленькая, всегда хотела, чтобы меня похитил этот дядя и показал чудесный взрослый мир. Но его потом забрали от нас, и, как сказал папа моей подружки Светы, сделали из него где-то далеко отсюда «зафаршмаченного петуха». Все радовались, а я почему-то переживала...

«Собачник. Автомойка. Напильники. Глотки кефира», — пронеслись слова в голове у трясущегося незнакомца, и в это мгновение он внезапно замер. Его глаза встретились с воспаленным взором девочки.

— А еще у нас новая учительница ритмики, и теперь я умею танцевать сиртаки, — в ответ на эту новость незнакомец нахмурился. — Что я не так сказала?

«Ракеты. Солнечные столбы. Высадка».

— Ближе к делу! — парень разорвал свою рубашку, надетую на голое тело, и вытер сначала рот, потом окровавленное лицо. Взгляду открылась бледная кожа с глубокими морщинами, придававшими в сочетании с выцветшими голубыми глазами выражение глубокой грусти лицу.

Девочка, слегка смущенная строгим учительским тоном незнакомца, опустила голову и промямлила:

- Ну, там, по Титова, много богатых людей живет, и у них большие черные машины. А еще в этом районе целых четыре Бийских переулка и улица Бийская.... она не успела закончить, как незнакомец ее перебил:
- Бийск?! Что ты сказала? Бийская улица?! и словно просвет, к нему моментом возвратилась память. Обрывки непонятных словосочетаний складывались в стройные предложения.
- Меня зовут Яков. Я пришел сюда с небес за своей принцессой. Ее смыли с черной машины на автомойке здесь, в Новосибирске. А ржавчину с останками ее генетического кода просто спилили напильниками!

В ответ на его заявление девочка понимающе кивнула головой:

— Меня зовут Маша. Просто Маша. Я готова стать твоей новой бийской принцессой и служить тебе верой и правдой, несмотря на всю мою греховность и плохие оценки в дневнике...

Мужчина расплылся в улыбке. Он поднялся и вплотную подошел к девчонке. Едва доставая ему до груди, она запрокинула голову вверх, чтобы видеть его просветленное лицо. Мужчина обеими руками схватил девочку за шею и принялся душить.

В мгновения перед смертью ей стало тепло и сладко, а на глаза опустилась убаюкивающая черная пелена. Обмочившись, она упала на холодный асфальт, и через несколько часов ее тело навсегда потеряло тепло.

Яков тем временем сорвал майку со своей жертвы и облил ее труп оставленным школьниками «Жигулевским».

Выбив опустошенной бутылкой два передних зуба у мертвой школьницы, он положил их в карман засаленных джинсов. Затем он разбил бутылку об асфальт и отправился куда-то в направлении гаражей в поисках новой «принцессы».

Когда напуганные школьники вернулись за Машей, то увидели лишь ее труп в осколках стекла, поблескивавших в лунном свете. Несмотря на прореху в челюсти, на ее посиневшем и мертвом лице читалось умиление, будто свое жизненное предназначение в этом мире она выполнила.

Генетика

Студент Петров в этот зимний вечер был в тревожном настроении. Ведь скоро ему нужно будет сдавать сессионные экзамены, а в злополучной измятой зачетке не хватало зачета по одному предмету. Конечно же, как и все порядочные студенты, он пропускал часть занятий, употреблял алкоголь и частенько блудил с девушками. Благо, особ противоположного пола в его лингвистическом университете было предостаточно. Причем, не только среди учащихся, но и в рядах уважаемого преподавательского состава. С одним из его представителей студенту Петрову нужно было увидеться как раз этим морозным вечером, предвещающим внезапно начавшейся метелью наступление Нового года.

Петров сидел на задней седушке раздолбанного троллейбуса, который курсировал в один из спальных районов Минска — Серебрянку. Там, в глубине многоэтажных домов, ему нужно было найти тринадцатый дом по улице Якубова и зайти в гости к преподавательнице, которая по каким-то причинам решила перенести сдачу зачета из корпуса университета к себе домой. Фамилия этой загадочной женщины была так же Якубова, и студент Петров, пытаясь хоть как-то отвлечься от набившего оскомину повторения материала, раздумывал

о том, не являются ли родственниками преподаватель Якубова и тот неизвестный ему Якубов, в честь которого назвали улица.

Ход его нехитрых мыслей прервал голос из динамиков троллейбуса, который бодро оповестил о том, что нужная остановка в городском пространстве достигнута.

Студент Петров нехотя выбрался из троллейбуса и первым делом подошел к закутанной в черный платок бабушке.

- Простите, бабуля! галантно обратился к пожилой женщине студент Петров. Не соизволите ли подсказать, где Якубова 13 тут? окончив фразу, студент выдавил из себя улыбку.
- Иди к дьяволу, отродье бесовское! словно гадюка, прошипела бабка и, схватив сумку, побежала через дорогу на красный свет. К ее везению, в эти секунды на фатальном для человека расстоянии автомобилей на проезжей части не оказалось.

Студент Петров, конечно же, был ошарашен таким ответом на его вежливое обращение, но решил не останавливаться на пути к поставленной цели. Зачет ему был просто необходим, иначе на полтора года ему грозила подкравшаяся как никогда близко опасность. Сразу после новогодних праздников его профессией могла стать защита родины.

Поблуждав немного около домов, на которых, как назло, не было табличек, студент Петров уже отчаялся, но в этот самый роковой миг к нему пришло спасение.

— Вы что-то ищете, молодой человек? — услышал он приятный девичий голос за своей спиной. Вместо того, чтобы обернуться, Петров громко произнес «ищу», а уже потом обернулся и увидел на расстоянии нескольких метров от себя прекрасное человеческое существо

женского пола. Даже в темноте, глядя на лик этой девы, явившейся в канун католического Рождества, он мог с полной уверенностью заявить о том, что таких красивых голубых глаз он не видел никогда. Вместо того, чтобы спрашивать адрес нужного дома, сраженный неестественной красотой Петров произнес:

- Я покорен вашим взором, юная леди. Позвольте узнать ваше имя? сказал парень и снял шапку, чтобы совершить перед девушкой миниатюрный поклон.
- Меня нарекли Каталиной, улыбнувшись, произнесла девушка. А вы, стало быть, странник?
- Да, милая Каталина. Скажи мне, пожалуйста, как мне найти дом тринадцать по улице, названной в честь неведомого мне человека Якубова? Надев шапку, студент умолк в ожидании ответа.

Девушка указала правой рукой на пятиэтажное здание из красного кирпича. Узрев интересующий его объект, Петров вновь обратился к Каталине:

— Спасибо вам огромное, Каталина, вы оказались здесь как раз вовремя! — промолвив благодарственную речь, студент Петров добавил: — Но как мне можно будет найти вас в этом странном городе, на фоне серости которого вы подобны солнцу?

Каталина в ответ только улыбнулась и, ничего не ответив, пошла прочь.

Очередной неожиданный поступок встречного человека сменил ощущение необычайной одухо-творенности на безосновательную волнительность. Смирившись со своей относительной неудачей, молодой человек побрел к красному дому. По дороге он:

- а) обошел четыре машины с разных сторон,
- б) встретил дворового пса неведомой породы,
- в) обратил внимание на открытое в одном из домов окно, в котором горел свет и звучала громкая музыка,

г) перед нужным подъездом поскользнулся и едва не упал.

Недра подъезда были сокрыты металлической дверью, распахнуть которую можно было либо при помощи электронного ключа, либо изнутри. Студент Петров набрал нужный номер квартиры и услышал характерный звон, доносящийся из динамика, спрятанного от вандалов под металлическими пластинами.

- Я вас слушаю, голос его преподавателя Юлии Владиславовны Яковлевой был узнаваем, даже будучи пропущенным через провода и мембраны.
- Это студент Петров, уважаемая Юлия Владиславовна. В ответ раздался писк и дверь подъезда отворилась. К радости Петрова, нужный ему объект проживал на первом этаже. А значит, не надо было подыматься по ступенькам невесть куда.

Петров подошел к двери, оббитой коричневым дерматином, и аккуратно надавил на маленькую красную кнопку дверного звонка. За дверью послышался треск. Дверь тут же отворилась, и перед студентом в неформальной обстановке предстал его преподаватель. Юлия Владиславовна была уже в возрасте, но, тем не менее, вела образ жизни, позволявший сохранить фигуру в удовлетворительном состоянии. Нетрезвые мужчины, обсуждая таких женщин в компании, обычно говорили — плотного телосложения. Лицо ее, как казалось Петрову, не изменилось с юношества, если, конечно же, не считать россыпь морщин на бледной коже.

- Входите, Петров, высокомерно произнесла Юлия Владиславовна, позволив переступить студенту порог своей квартиры. Вытерев, как следует, ноги о половик, Петров сделал несколько шагов вперед. Дверь за ним захлопнулась.
  - Ну что, Петров, вы готовы сдавать предмет? —

произнесла Юлия Владиславовна, строго посмотрев в зеленые глаза молодого человека. На момент произнесения ею вопроса Петров как раз успел снять куртку, и вариантами его ответа были:

- а) нет,
- б) да,
- в) «а что мне остается делать?»,
- г) не знаю.
- Да, твердо ответил Петров и разулся. Лицо его было как никогда серьезным, будто он был вовсе не студентом, а командиром бронепоезда.
- Ну тогда проходите в зал, студент Петров, вежливо произнесла Юлия Владиславовна и скрылась, вероятно, в ванной или уборной.

Петров подошел к деревянной двери, на которой висела табличка «зал». Затем он взялся за ручку и открыл дверь. То, что преподаватель назвала «залом», мало соответствовало предполагаемому помещению для приема гостей и прочих посетителей квартиры. Студент оказался в комнате, где по центру стояла больничная койка, справа от нее находилось устройство, чем-то похожее на горизонтальный холодильник. Пол был уложен кафелем, создающим ощущение теплоты и комфорта. Стены и потолок были выбелены.

Подойдя к койке, студент Петров обратил внимание на совершенно не характерное для квартир освещение. Еще бы — к потолку была приделана люминесцентная лампа, коих было много в университете, всяческих офисах и больницах. Петров на мгновение подумал о красоте мерцания подобных ламп, когда ртутные пары в них выдыхаются.

Вскоре показалась Юлия Владиславовна. На ней был красный халат, выглядевший весьма контрастно на черно-белом фоне интерьера. Петров обернулся, и его сразу

же посетила мысль о том, что халат был единственной надетой на женщину вещью. Прелюдией ко всему последующему явился диалог.

- Вы не ставите мне зачет, потому что считаете меня самым плохим студентом?
  - Нет, Петров. Самым лучшим.
- А почему тогда не поставили мне зачет в университете?
- Потому что мне нужно твое ДНК, твердо произнесла Юлия Владиславовна.

Окончательно убедившись в интимном характере ее намерений, Петров разделся и лег на больничную койку. Белый потолок с одинокой люминесцентной лампой в этот момент ему показался концептуальной художественной задумкой. Глядя на него, студент Петров даже не заметил легкого падения халата доцента Яковлевой на пол. Он обратил внимание на женщину только после того, как она рукой принялась массировать его член. Последнему эти прикосновения, явно, пришлись по вкусу, и соответствующим образом он отблагодарил доцента сильной эрекцией. Вторая рука Юлии Владиславовны зачем-то полезла под матрас койки. Оттуда она извлекла презерватив в странной упаковке. Ее неестественность крылась в подозрительной серебристой окраске и отсутствии фирменных наименований. И только по характерным очертаниям можно было догадаться, для хранения чего предназначалась эта специфическая оболочка.

Нахлобучив презерватив на детородный орган Петрова, доцент Яковлева забралась на него сверху и принялась ритмично скакать. Петров же в это время закрыл глаза и пытался сложить хаотические скрипы больничный койки в мелодию. У него это почти получалось, но внезапно преподаватель начала издавать разные междометия и тем самым похоронила в недрах его головного

мозга будущий музыкальный шедевр. Петров кончил довольно быстро. Лежа доселе молча, он специально слегка «ухнул», чтобы доцент Яковлева прекратила вакханалию. Юлия Владиславовна словно по команде слезла со студента и аккуратно сняла презерватив. Затем она внимательно посмотрела на собранный генетический материал и улыбнулась.

- Вам зачет, студент Петров! довольная, произнесла она и отворила дверь горизонтального холодильника. Любопытный Петров посмотрел в отворенный тайник и увидел в нем множество склянок. В каждой из них хранились презервативы со спермой. Доцент Яковлева взяла специально заготовленную пустующую банку и аккуратно опустила в нее использованное изделие. Затем, захлопнув дверь холодильника, она подняла с пола халат и перед тем, как скрыться за дверью зала, произнесла:
- Вы можете уходить, Петров. Зачет завтра будет в ведомости. После сказанного она захлопнула за собой дверь.

Петров встал с койки, простыней вытер пот со лба и живота, а затем в темпе принялся одеваться. Череду его тревожных мыслей об отступлении из квартиры требовательного преподавателя внезапно прервали странные голоса, доносившиеся откуда-то из-под земли. Будто под ковром, который устилал просторный коридор, находился тоннель в другой мир, наполненный плачущими телами. Застегнув последнюю пуговицу на куртке, студент Петров лег на пол и приложил ухо к ворсистому ковру, наполненному пылью.

«Она не выпустит нас...», «...рожать через 3 месяца...», «...что с нами будет...», «...ничего, есть и другие миры...», «...прости меня, Господи...» — доносились обрывки диалогов. Там под ковром, наверное, был люк,

за которым Юлия Владиславовна прятала таинственных созданий женского пола. Студент Петров уже хотел было убрать ковер и выпустить этих подвальных фей в мир большого города, но из комнаты преподавателя послышался голос:

— Студент Петров, не шалите!

Тут же парень подумал, что сейчас придет она и тоже упечет его в какое-нибудь подземелье без воды и света.

Но Юлия Владиславовна так и не вышла проводить почтенного гостя. Петров, не дожидаясь прощаний, молча обул ботинки и покинул квартиру, постаравшись как можно тише закрыть входную дверь.

К его удивлению, на ступеньках спиной к нему сидела девушка. Удивленный Петров было хотел спросить, что делает это милое создание в этом подъезде, но девушка опередила его:

- Быть может, мне придется любить вас, Петров, сказала она, повернувшись в профиль к смущенному собеседнику. Студент узнал в ней случайную встречную, что указала ему направление к дому.
- К чему вы это сказали, Каталина? удивленно произнес молодой человек.
- Ну, может, она захочет моего ребенка от вас. Ваше ДНК теперь ведь есть в инкубаторе? как-то грустно задала риторический вопрос Каталина и опустила голову.

Петров тут же подбежал к девушке и, наклонившись, обнял ее за шею. В следующую секунду он поцеловал погрустневшую суррогатную мать в губы.

На момент поцелуя девушка закрыла глаза. А когда открыла, то с надеждой взглянула на осмелившегося ее поцеловать молодого человека.

— Я буду скучать по тебе! — сказала честно девуш-

ка и поднялась на ноги. Пройдя по лестнице на первый этаж, она скрылась в квартире доцента Яковлевой.

А Петров в эти мгновения подумал о том, что тоже будет скучать по Каталине и когда-нибудь вернется за ней в этот странный дом.

Голова Ивановой

Расположившись у костра в пространстве небольшой лесной полянки, отдыхали трое молодых людей. Положив пустую тару в пакет для мусора, один из ребят встал, отошел на несколько метров к брезентовой палатке и достал из нее новую бутылку водки. Долбанув локтем по донышку «Столичной», он с легкостью снял пробку.

- Ну и чего ждем? басом произнес он. Его густые брови, короткие черные волосы и высокий лоб брутально дополнял низкий тембр голоса. Слова его таили в себе своеобразное воззвание, после которого к заветной бутылке потянулись две руки с пластиковыми стаканчиками. Разлив каждому поровну, он закупорил водку и положил на землю.
- Датый Темыч, а льет поровну! бодро сказал один из студентов и рукой почесал затылок. Он был худощав и светловолос, с детскими ямочками на щеках, которые придавали его образу черты беззаботности и ребячества.
- А то, опыт-то не пропьешь, Серега! ответил Темыч, и вся компания рассмеялась. Ну, давайте, мужики, за Африку!

Студенты неслышно чокнулись пластиковыми стаканчиками и под треск горящих дров опустошили их содержимое. Дул ветер, плавно раскачивающий сосны, отчего атмосфера была овеяна легким ореолом таинственности.

- А чего за Африку? спросил третий парень, глотнув сока из пакета. Его татарское смуглое лицо было предельно серьезным.
- А это, Ваня, из Германии пошла тема такая... отвечая, Темыч дал понять, что сейчас последует некий небольшой экскурс в историю. Два его друга спрятали стаканы и приготовились слушать. То в Африке кампания военная была, 1943-й год. Переломный год, так сказать...

В такт размеренной и хорошо поставленной речи Темыча Сергей и Ваня кивали головами, стараясь запомнить каждое слово старшего товарища.

— Роммель вел свои войска по пустыне, Гитлер сидел в своем штабе и ждал, когда же бравые бойцы вермахта сломят русских под Сталинградом. В общем, время совсем не простое для Рейха было... — отпив апельсинового сока, Темыч продолжил: — Так вот: офицеры, когда пили в Берлине, тогда говорили всегда «За Африку!», потому что там неясно совсем всё было, а Сталинград-то, все думали, вот-вот ляжет, и всё — конец Советскому Союзу.

В продолжение разговора Темыч поднялся, церемониально убрал левую руку за спину и, подняв пустой стакан в правой руке, крикнул:

— Lang lebe Afrika!

Ребята от неожиданности вздрогнули и уже через мгновение рассмеялись. Крик Темыча эхом разнесся по ночному лесу.

Сергей посмотрел на лес, который одной сплошной черной кромкой окружал поляну, отданную на поруки ясному звездному небу.

- Что-то, я думал, не бывает эха в лесу... заплетающимся от опьянения языком сказал Ваня и стал шариться в бардаке нагроможденных вокруг вещей в поисках водки.
- Дурень ты. Эхо же и называют лесным голосом, съязвил Сергей и протянул Темычу закупоренную тару. Какой пить уже будем по счету? спросил светловолосый и зевнул.
- Да шестой, по всей видимости... лихо ответил Темыч. Ну, и хули ждем?

В ответ на его приглашение парни протянули пластиковые стаканчики. Разлив водку, Темыч привстал на коленках и сказал:

— Ну, за советский космос давайте выпьем, раз уж про историю начали! — твердо произнес он и по традиции первым опустошил посуду. Сергей и Ваня последовали его примеру. Осушив стакан, Ваня посмотрел на звездное небо. Где-то там, среди мерцающих светил, в небе пролетали спутники и самолеты.

Вдруг на Ваниной руке запищали часы «Электроника». Вероятнее всего, сработал заранее установленный будильник. Закусив водку соленым огурцом, Ваня встал в полный рост.

— Товарищи! Полночь пробила! — сообщив благую весть друзьям, Ваня по-собачьи зарычал и, встав на четвереньки, принялся, словно кабан носом, копать дерн.

Вслед за ним подскочил Темыч и галопом понесся к палатке. Извлекши из нее факел, он вернулся обратно к костру. На фоне горящего пламени виднелись контуры фигуры Сергея. Большим ножом для мяса он вырезал какие-то знаки на густо поросшей травой земле.

— Не дерется, сука! — рявкнул Ваня и принялся рвать густую и сочную траву руками в попытках добраться до вожделенной сырой почвы.

— Ты чё, клад роешь? — обратился к нему Темыч. — Неси сосуд! Быстрей неси!

Вопящий Ваня остепенился и украдкой побрел к палатке. Полностью погрузившись в ее темное нутро, он стал во весь голос выкрикивать библейские заповеди в хаотическом порядке.

В это время Темыч допил из горла оставшуюся водку и, ничуть не поморщившись, твердым и громким голосом принялся командовать:

- Рота, равняйсь! Рота, смирно! кричал он невидимым солдатам, которые, быть может, только в его воображении заполонили собой поляну.
  - Рядовой Козловский! крикнул Темыч.
  - Я! послышался крик из палатки.
- Труп Ивановой! Быстро!!! скомандовал Темыч и развернулся на 180 градусов.

После некоторого замешательства из палатки показался Иван, пятившийся со спальным мешком на плече. Внутри было, явно, что-то тяжелое, так как парень, передвигаясь маленькими шажками, заметно горбился.

Увидев черный спальный мешок, Сергей, словно земляной червь, пополз к костру. Темыч поставил ногу ему на голову.

- Я нарисовал знаки, товарищ прапорщик! жалобно промямлил Сергей. В ответ на его слова Темыч убрал ногу с головы парня. Сергей встал рядом с Темычем и наспех отряхнулся, оглядываясь по сторонам на невидимых солдат. Небрежно кинув спальник на землю, Иван схватил нож и принялся разрезать плотную брезентовую ткань. Сквозь прорез в спальном мешке виднелось бледное тело длинноволосой девушки. Черные ее локоны словно поглощали яркое пламя костра. Зашумел ветер.
  - Милая моя Иванова... прошептал Сергей и на-

клонился, чтобы поцеловать мертвую девушку в ее синие и холодные губы.

— Отставить! — скомандовал Темыч. — Неси топор мне! Быстро!

Резко встав по стойке смирно, Сергей кивнул головой и метнулся в палатку. Иван в это время, словно загипнотизированный, смотрел на обнаженную девушку.

Как только Сергей отдал в руки Темычу топор, тот склонился над трупом и принялся быстрыми и отточенными ударами рубить голову. Во все стороны брызгала странная липкая слизь и раздавались смачные шлепки. В это время за спиной Темыча Сергей устанавливал над костром котел. Языки пламени жадно облизывали его чугунное дно. Иван же впопыхах раскупоривал пластиковую канистру с какой-то жидкостью бурого цвета.

Взяв в руки отрубленную голову Ивановой, Темыч поднял ее высоко над собой. В это самое время жидкость в котле закипела и к небу устремились густые черные клубни дыма. Пролетая мимо отрубленной головы девушки, они словно цеплялись за ее плоть и хотели заполнить собой ее нутро, а быть может — и оживить мертвые ткани.

- Пора? вопросительно вскликнул Темыч и закрыл глаза.
  - Пора... несмело поддержал Темыча Сергей.
  - Пора! твердо сказал Иван.

Как только Темыч бросил отрубленную голову Ивановой в котел, небо озарилось ярким белым свечением. Оскверненное тело умерщвленной девушки растворилось и, превратившись в луч чистейшей энергии, принялось, словно оживший протуберанец вьюги, кружить вокруг парней, оставляя в качестве следов серебристые мерцающие снежинки. В следующее мгновение этот таинственный столп, обдав волшебной

россыпью студентов, устремился ввысь к озаренному вспышками небу.

Из котла начала подниматься огромная голова Ивановой. Вспарив на несколько метров, она зависла в воздухе и огляделась вокруг.

Расплывшийся в улыбке Темыч подошел к зависшей в воздухе голове и хотел так же вспорхнуть ввысь и обнять ее... Но в ответ губы Ивановой сложились в трубочку и дунули струей жаркого пламени. Эрудированный заводила тут же превратился в пепел, так и не успев прикоснуться к этому прекрасному неземному творению.

Напуганный смертью товарища, Иван со всех ног помчался в лес и не увидел, как голова поглощала оставшегося в лагере Сергея, словно тот был сладким вишневым чупа-чупсом. Всасывая плоть в свои неземные недра, она оставила от щуплого блондина только грязные заношенные кеды с красными шнурками.

Тщательно пережевав содержимое, она устремила взгляд на скрывшегося в сосновой чаще последнего выжившего из ребят.

Ваня старался не оглядываться, петляя мимо деревьев. Ему казалось, что мертвенный свет преследует его и вот-вот поглотит, превратив душу в безликий фрагмент первозданной материи. Внезапно он выбежал в поле. На этот раз — огромных размеров. В эти мгновения после всех душевных терзаний оно показалось ему спасительным оазисом.

— Как же здесь красиво... — произнес он. Иван не заметил, как голова Ивановой, паря над лесными массивами, зависла над ним. Повернувшись лицом к земле, она выдохнула желтого цвета газ, накрывший столпом Ивана.

Тотчас потеряв зрение, студент ничего не видел, кро-

ме внезапно нависшей черной пелены и малюсенькой едва различимой белой точки, еле мерцающей вдалеке. Вытерев грязным рукавом со щек растекшуюся глазную жидкость, готовый на все Иван побрел навстречу этой маленькой точке, спотыкаясь о камни и едва не падая в густые колосья.

По мере его продвижения точка росла в размерах и вскоре стала белой глыбой, отчетливо проецируемой в трехмерном пространстве. Когда глыба оказалась в пределах досягаемости, студент прикоснулся к ней руками. Это оказался огромный и холодный булыжник, исполненный эзотерических знаний. Ощутив приятную дрожь по всему телу, Иван почувствовал, как кристально чистая и светлая душа покидает его бренное тело.

Но она не стала достоянием головы Ивановой, а целиком заполнила собой тысячелетний камень, став кем-то вроде его хранителя. Обретя свое новое жилище, Иван почувствовал, что голова Ивановой теперь не найдет его, ибо осталась она блуждать в другом мире. Злом и несовершенном. А значит, обреченном на непременную гибель.

Дед

Молодые люди Валентин и Владимир в этот обыкновенный осенний день направлялись по заранее оговоренному адресу, который был записан в блокноте у одного из них. Обычная подработка для парней, которым не видать в силу своих лет и статуса студентов серьезных должностей и больших заработков. Но естественно, у каждого из них было желание иметь все и сразу. Вот и приходилось двум друзьям каждые выходные из обычных студентов ВУЗа превращаться в грузчиков. Но грузчики они были немного не обычные. Каждое их новое задание проходило в довольно странных местах, адрес которых заказчик называл ровно за день до работы. Валентин аккуратно записывал необходимые данные, а на следующий день от очередного листочка, исписанного синей ручкой, должен был избавиться.

Ровно в десять утра, слегка поблуждав по одному из спальных районов города, они все же нашли необходимый им дом. Эта была панельная девятиэтажка, которая ничем не отличалась от многих своих клонов, хаотически разбросанных по всему Минску.

По словам довольно необщительного заказчика, который должен был встретить их возле подъезда, работенка была непыльной.

На вид работодатель оказался усатым полным мужчиной, восседающим на деревянной лавочке возле подъезда. С укоризной глядя на студентов, он неспешно курил сигарету без фильтра.

— Сергей? — обратился Валентин к своему новоявленному знакомому и несмело протянул правую руку. Крепко пожав ее, мужчина кивнул головой и указал на нужный подъезд.

Квартира располагалась на первом этаже. Когда дверь в нее открылась, то перед лицами студентов-грузчиков предстала картина самой настоящей свалки из всего, что только можно было найти на улицах города.

— Отец болен, понимаете? — с жалостью в голосе произнес Сергей. — Он целыми днями ходит по городу и приносит в дом всякие разные вещи. И тут складирует. Вам нужно все это вынести. Вопросы есть?

В ответ Валентин помахал головой, а Владимир, соглашаясь со своим товарищем, добавил:

- За три часа управимся.
- Вот и отлично, без каких-либо эмоций произнес Сергей и отправился из квартиры обратно на свое насиженное место.

Парни принялись тягать всякую ломаную рухлядь, стараясь вдыхать как можно реже, ибо воздушная масса в этом помещении напоминала, скорее, отравляющий смрад, даже в сравнении со столичным загазованным воздухом.

Первым на мусорку полетел сгоревший телевизор, за ним — стол без одной ножки, потом с треском на площадку возле мусорных баков грохнулись несколько доломанных табуреток и электрических чайников, чей ресурс был уже выработан давным-давно, и только благодаря пластмассовому корпусу все это не сгнило в пространстве однокомнатной хрущевки.

Когда парни вдвоем тянули древний сломанный холодильник, то перед их взорами предстала интересная картина: около ржавых мусорных баков собралась целая куча непонятно откуда взявшихся бомжей, различных бабушек и даже учитель труда из местной школы. Одна бабуля волокла по земле табуретку. Вероятно, она проживала в этом же доме и давно ждала, когда имущество ее сошедшего с ума соседа можно будет безнаказанно стянуть.

Местный учитель труда кричал какому-то парню: «Ты посторожи, чтобы никто не взял. Фанера нужна же! Фанера ведь!». Хулиганистого вида школьник по просьбе наставника сторожил несколько кусков фанеры, покрытых обширными пятнами черной плесени. Рядом с ней лежал его потрепанный футбольный мяч.

- Так гнилая же совсем! сказал Валентин трудовику, выкидывая стопку пожелтевших от времени книжек в духе социалистического реализма.
- Нам и такая сойдет! недовольно пробурчал учитель труда и, дыхнув перегаром, демонстративно улыбнулся, обнажив отсутствие нескольких передних зубов.

Примерно через час, когда половина квартиры уже пустовала, парни заметили, как к бакам подъехал мусоровоз. Из него вылез грозный работник коммунальных служб и принялся материть всех его окружающих людей.

— Какого хуя вы мне тут дров накидали, уроды! — кричал он на Валентина. В этот самый момент парень швырнул в образовавшуюся возле бака кучу доломанное кресло с торчащими из него пружинами. Голос сотрудника жилищно-коммунальной службы на фоне работающего мотора мусороуборочной машины звучал как-то грязно, как будто был записан на аудиокассету, что воспроизводилась из динамика сломанного магнитофона.

Вернувшись в квартиру за порцией очередного хлама, и уже готовые ее покинуть, парни прямо на лестничной площадке наткнулись на своего нанимателя, в глазах у которого читалось легкое помешательство и страх. Он швырнул им в лицо деньги и вырвал из рук у каждого по тюку какого-то тряпья.

Бросив на пол отобранные мешки, он невероятно высоким, почти визжащим голосом крикнул:

-Забирайте деньги и проваливайте! Быстрее проваливайте, идиоты!

В ответ полный негодования Валентин, готовый ударить по лицу странного мужика, сказал:

— Че орешь, блин? Мы еще не закончили! — но мужчина явно не желал продолжать с ними диалог и тут же побежал к выходу.

Работники подняли несколько скомканных купюр и вышли на улицу, дабы узнать, что такое могло ввергнуть мужика в состояние бешенства. Владимир уже мимолетом представил в голове картину того, как подъехала милиция и сейчас будет выписывать им штраф за какое-нибудь нарушение, связанное с недобросовестной утилизацией отходов. Но на улице их ждал небольшой сюрприз. Возле подъезда как вкопанный стоял усатый Сергей. Глядя на него, можно было подумать, что мужик вспомнил свою армейскую молодость и выполнял команду «смирно». Но, как оказалось, дело было вовсе не в этом. На фоне серости столичного дворика появился странного вида старик, облаченный в черный балахон. Он направлялся к подъезду, ритмично постукивая черной тростью.

— Убирайся прочь, вор! — произнес он, подойдя к Сергею. Затем тростью ударил его по лицу, разбив нос. Тот обиженно посмотрел на отца и, поднеся к кровоточащему носу ладонь, отошел на несколько метров назад.

Далее старик двинулся к мусорным бакам, где неподвижно стояли бомжи и пенсионеры, растаскивавшие выброшенный хлам.

Старик взял обеими руками свою трость и поднял ее над головой. Люди упали на колени, закрыв глаза.

Стоял лишь только учитель труда, провожающий взглядом красную дымящую машину для вывоза мусора.

- Что, дети мои, решили обворовать старого мужа? произнес старик грозным голосом. И в ответ все люди принялись ему кланяться, ударяясь головой о сырую землю.
- Простите нас, о святой пророк, за то, что искушению подверглись мы по воле сил темных! истерично прокричал учитель труда. После сказанного он последним упал на колени и принялся усердно кланяться.

Старик молча осмотрел каждого из своих последователей и рукой им указал на загаженный подъезд, из которого два молодых грузчика все это выносили. Деклассированные элементы словно по команде резко подскочили, а потом каждый из них принялся тянуть рухлядь обратно.

— Смотри, Вова, они по ходу даже со своих домов что-то тащат... — произнес Валентин. Оба парня наблюдали, как вылезающие из своих квартир пенсионеры несли битые полки, табуретки, сломанные радиоприемники, ржавые кастрюли...

Пока молодые люди наблюдали за каменными лицами загипнотизированных людей, несущих дань своему пророку, дед подошел к парням и, улыбнувшись, произнес:

- Я нарекаю тебя Авелем! сказал он Валентину.
- А тебя я нарекаю Каином! произнес он Владимиру.

В это мгновение молодым людям стало настолько

страшно, что без предварительного сговора они побежали прочь с этого места.

Этим же вечером Владимир повесился. На стене в общежитии, где он проживал, красным фломастером было выведено: «Я предал Бога».

Деловое предложение

Вова выдавил на руку немного геля и нанес его на волосы. Наставив ежик, он принялся тщательно рассматривать свое лицо в зеркало и, выдавив прыщик, тяжело вздохнул.

Через несколько дней Вове нужно будет съезжать со съемного жилья, а ничего стоящего взамен он себе найти не мог. Поиски по социальным сетям и знакомым результата не дали, и поэтому Вова решил напечатать объявлений и расклеить их по столбам и подъездам в недрах спальных районов.

Перед тем как обуть лакированные туфли и надеть броскую красную куртку, в прихожей Володя еще раз посмотрелся в старое зеркало в дубовой оправе и, убедившись, что выглядит сам для себя привлекательно, вышел на темную и вонючую площадку.

Вызвав лифт, Вова с отвращением посмотрел на кучу смердящего хлама возле мусоропровода. Вскоре двери лифта открылись, и в его пространстве с обожженными кнопками и исцарапанным потолком парень отправился на поиски очередного приюта.

На улице было холодно и сыро. Вова подошел к остановке. На лавочках сидели угрюмые пенсионеры, возле расписания толстая женщина средних лет держала на

руках маленького ребенка. Малыш молча разглядывал проезжающие автомобили. А когда к столбу с табличкой подошел Вова, то малыш уставился на него и с интересом смотрел то не его куртку, то на лицо. Вова кивнул ребенку головой, и вскоре тот вновь отвернулся и проводил взглядом промчавшийся мимо черный джип.

Вскоре приехал нужный троллейбус, на котором Вова ехал около двадцати минут мимо магазинов, домов и красивых вывесок всякого рода заведений.

«Живет же кто-то здесь в своей квартире, никакие хозяева не выгонят», — думал он, рассматривая лица прохожих и водителей автомобилей, мелькающих за окном. С квартиры Вову выгнали после бурной гулянки. Будучи любителем ночных клубов и порочных связей, он часто после шумных вечеринок приглашал людей к себе домой, где праздник ночи продолжался и набирал обороты.

В один прекрасный момент все это закончилось вызовом милиции и, как следствие, проблемами с хозяевами.

Выйдя на конечной остановке, Вова оставил позади стройный ряд троллейбусов и последовал к первому попавшемуся на глаза панельному дому. Пройдя мимо ржавой детской горки к ближайшему подъезду, он принялся лепить клеем объявления «сниму квартиру».

Средь бела дня на окраине Минска царила пустота. Даже гнилые деревянные лавочки пустовали. Изредка по протоптанным тропинкам шли одинокие школьники с портфелями, женщины с набитыми полиэтиленовыми пакетами и редкие пенсионеры. В целом же пейзаж со зданиями разной этажности под мрачным свинцовым небом совершенно не внушал оптимизма.

Через несколько часов блужданий по городским катакомбам мобильный телефон зазвонил. Увидев незнакомый номер, Вова обрадовался.

- Здравствуйте! бодро произнес Вова.
- Добрый день, молодой человек... послышался дрожащий голос. После вежливого приветствия человек на другом конце провода продолжил: Я видел ваше объявление о поиске жилья. Я готов вам предложить вариант...
- Я как раз на районе вашем, где клеил... Сердце Вовы начало биться с учащенным ритмом. В эти мгновения он с надеждой думал, что ему теперь не придется жить на вокзале.
- Отлично. Пятнадцатый дом, улица Седых. Буду ждать вас возле первого подъезда. После сказанного послышались короткие гудки.

Вова огляделся вокруг и попытался сообразить, в какой стороне находится дом №15. Не обнаружив табличек на двух близлежащих зданиях, он побрел к проезжей части.

Неожиданно выяснилось, что дом возле автобусной остановки как раз оказался пятнадцатым. Рядом с первым подъездом туда-сюда ходил седой дедушка в черном двубортном пальто.

- Здравствуйте, меня зовут Владимир, вы звонили мне с номера... парень протянул руку дедушке. Дед внимательно посмотрел на лицо молодого человека, затем пробежался взглядом с головы до ног, но так и не протянул ему руки.
- Извините, я, наверное, обознался... смущенно сказал Вова и развернулся.
- Стойте! Все верно, произнес старик. Затем он достал руки из карманов и поздоровался с парнем. Я просто хотел на вас посмотреть, как вы выглядите. Ну что, поднимемся?

Вова в ответ кивнул головой, и вдвоем они скрылись в темном подъезде.

Квартира была на втором этаже. Туалет с ванной совмещены, виднелись пожелтевшие от старости обои, местами заляпанные какими-то чернилами. В однойединственной комнате находилась двуспальная кровать, прямо над которой висел ковер.

На узкой кухне между холодильником «Атлант» и почерневшей газовой плитой стоял дубовый стол и несколько деревянных табуреток, выкрашенных в белый цвет. Под раковиной красовалась композиция из синего ведра и каких-то тряпок.

- И сколько вы за все это хотите? с долей трагической обреченности спросил Вова.
- Подожди. Давай я тебе задам вопросы, а потом и разберемся... нахмурив брови, сказал дед и, кряхтя, пододвинул к ногам парня табуретку. Когда они сели друг напротив друга, дед заговорил вновь: Только отвечай мне предельно честно, хорошо?

Согласно кивнув, Вова подумал, что дед, наверное, тронулся рассудком.

- Баб, вообще, топчешь? дед задал первый вопрос.
- Чего? произнес Вова и покраснел.
- В глаза мне смотри и отвечай честно! услышав подобное, Вова почему-то подумал, что это отец или дед одной из тех многочисленных девочек, которых он совратил. Я не сумасшедший, у меня к тебе деловое предложение. Спишь часто с девушками разными?
  - Ну, бывает... смущенно пробубнел Вова.
  - Как часто?
- Ну, как когда... Иногда пару раз в неделю. Иногда реже... Что вы хотите-то?

Дед улыбнулся и, потерев ладони, принялся излагать суть предложения:

— Ты вот, как приводишь сюда новых девочек, давай им зубные щетки, заранее купи много. И каждый раз,

когда девочка очередная твоя уходить будет, ты мне зубные щетки отдавай, только не смей с ними ничего делать. Просто ты будешь отдавать их мне и говорить, как звали твою ночную гостью. Ты, я вижу, паренек заметный, трахаешься нормально, я думаю... В общем, пока будешь давать мне щетки, хотя бы пару раз в месяц. Можешь жить на моей квартире бесплатно! — услышав слова деда, Вова испытал противоречивое чувство смятения и одновременно воодушевления. Ничего подобного он никогда не делал, но такое предложение его устраивало.

- Я согласен! Честно слово, не буду вас обманывать... твердым голосом сказал он. Дед протянул ему ключи и напоследок сказал, что парень может въехать уже сейчас.
- Зовут меня Вениамин Георгиевич... Да! И не вздумай никому про это разболтать, дал последние наставления дед и вышел из квартиры. Осмотрев полки и холодильник, следом за ним вышел Вова.

На следующий день студент привел квартиру в порядок и уже пригласил в гости первую девочку. Наутро на зубной щетке он написал имя «Екатерина» и положил ее в полиэтиленовый пакетик. Сразу после звонка через час к нему приехал Вениамин Георгиевич. Когда он увидел щетку в пакетике, глаза его загорелись, и он протянул за ней свою трясущуюся руку. Освободив щетку из полиэтилена, он понюхал щетину и с умилением произнес: «Катюша, внучка моя...» Пожав руку Вове, он вышел в подъезд и исчез.

С тех пор Вова исправно поставлял дедушке зубные щетки. Красные, белые, разноцветные — с разными именами. «Кати», «лены», «светы», «маши» передавались дедушке, который по первому зову приезжал за ними и, не задавая лишних вопросов, нюхал щетину и забирал с собой.

Через полгода, сдав анализ крови, Вова узнал, что он ВИЧ-инфицированный. Этим же вечером он выпил в одиночку бутылку водки и повесился. Первым его труп и записку обнаружил Вениамин Георгиевич. Он прочитал послание, а затем пошел в ванную и из стаканчика забрал зубную щетку парня.

— Жаль... Такой хороший мальчик был. — Перекрестившись, он достал пакет и высыпал несколько десятков зубных щеток, подписанных женскими именами, а затем кинул в общую кучу Вовину зубную щетку.

Щетина одной из них начала спонтанно шевелиться и издавать странный звук, похожий на трение наждачной бумаги о металл.

Он поднял синюю зубную щетку, на которой было выведено имя «Ирина».

— Вот же ж бл..дь, Вовку моего заразила! — Дед зажег газ и положил обе зубные щетки в сковородку и накрыл крышкой. Расплавив пластмассу, он обмотал посудину мокрым полотенцем и положил в пакет, собрав в него зубные щетки, что кучей лежали на полу.

В этот момент у темноволосой высокой девушки по имени Ира поднялась температура. На следующий день она заболела пневмонией и через две недели умерла.

Ильич

Люба жила в маленьком провинциальном городке в Минской области. Каждое утро по пути в школу она проходила мимо городской площади, где, кроме скромной православной церквушки и мрачного готического костела, следил за жизнью горожан товарищ Ленин. Отлитый из бетона, он был шероховатым на ощупь и, благодаря своему серому цвету, казался полностью лишенным жизни.

Когда-то давно у ленинского пьедестала патриоты и партийные функционеры проводили митинги. Потом площадь оборудовали под рынок с палатками и розыгрышами лотерей. А еще через несколько лет перепахали все под клумбы и засадили цветами, а прямо в центре соорудили красивый поющий фонтан.

Казалось, что про дедушку Ленина все забыли и продолжал он так стоять и смотреть на то, как город становится другим, совершенно игнорируя идеалы революции. Вскоре городские чиновники собрались на очередное свое совещание, и, видимо, не встретив недовольства на счастливых лицах жителей провинции, решили они Ленина с площади убрать, а вместо него поставить большой бесформенный памятник дружбе народов.

Люба, конечно же, не могла знать о разговорах этих странных чиновников. Но ей казалось, что этот лысый дядечка в кепочке догадывался, что наследники хотят убрать его куда подальше и поэтому назло всем стремительно принялся зарастать зеленым мхом.

Однажды, когда Люба шла в свою школу с портфелем полным учебников, она остановилась возле бетонного дедушки и внезапно спросила:

— Ты так хочешь, чтобы на тебя обратили внимание, что весь зарос мхом? — В ответ дунул ветер, и с головы Ильича отправился в небо голубь. Растрепав прямые и черные как смоль волосы Любы, ветер стих, как только она перестала смотреть на вождя и потопала дальше.

На следующий день на площади собралось очень много людей. Милиционеры и военные заставили площадь ограждениями и никого не пропускали. Иногда дети залазили на забор и пытались посмотреть, что такого важного делается в самом центре городка, если туда никого не пускают?

Тем временем под дедушку Ленина люди закладывали динамит. Усатый мужичок, весь в броне, чего-то махал руками, таскал большие катушки и периодически заглядывал в выкрашенный в зеленый цвет КамАЗ.

Люба сидела дома и кушала суп, когда на весь город прогремел взрыв. Окна дрогнули. Местные жители увидели столб черного пепла, взмывшего в самом центре города. Вскоре он рассеялся пылью по просторам провинциального поселения.

Как только вся пыль осела, на лицах рабочих и зевак словно по команде отразилось полное изумление. От взорванного памятника Ленина осталась голова, которая не упала в кучу каменного лома, а осталась висеть в воздухе. Наверное, какие-то тайные силы удерживали

ее над землей и не позволяли пасть к остальным облом-кам былого имперского величия.

Через несколько минут рабочие подогнали к голове Ленина кран и, забравшись в люльку, принялись долбить по ней кувалдой. Но все тщетно: с нее только осыпался зеленый мох. А сама голова выглядела целой и невредимой.

После нескольких попыток повалить на землю непокорную голову, люди сложили, отчаявшись, руки и принялись в своих кабинетах обсуждать, как дальше жить с происшедшим. Тем временем напуганные уборщицы собирали мусор в большие пакеты и периодически крестились, глядя то на церковь, то на зависшую в воздухе голову. Тракторист же, подъехавший погрузить мусор в прицеп, на парящие останки Ленина и вовсе махнул рукой.

На следующий день про парящую голову узнали по всей стране, а затем и по всему миру. В маленький город стали съезжаться туристы и фотографировать останки Ленина. Выступали какие-то академики и парапсихологи. В газетах в связи с этим событием даже появились новые даты конца света.

Одна лишь Люба, когда проходила мимо, то качала головой. От вида этих праздно любопытствующих людей с большими камерами ей становилось грустно, ведь совсем не для этого дедушка Ленин повис в воздухе.

У себя дома девочка нашла детскую книгу про Ленина, которую кто-то (может, даже и она в глубоком детстве) изрисовал цветными фломастерами. В книге «Детям о Ленине» большими буквами было написано, что Владимир Ильич был другом рабочих и солдат, но никогда не дружил с буржуазией. Всегда защищал крестьян и поганой метлой гнал панов с советской земли.

- Кто такие паны, папа? спрашивала пытливая Люба у своего вечно занятого отца.
- Не знаю, спроси у мамы... отвечал недовольно отец, читая газету с последними новостями.
- Мама, а что такое советская земля? говорила Люба, дергая маму за передник. Но мама в ответ лишь пожимала плечами.
- Так если все об этом забыли, то почему же помню я? спросила Люба у самой себя и, не найдя ответа, отправилась спать, положив книгу про Ленина под подушку.

Прошло несколько лет после того, как отгремел на весь мир таинственный случай с головой Ильича, и о тихом провинциальном городке уже мало кто вспоминал. Прямо под головой возвели новый бесформенный памятник, к которому пару раз в год люди подносили красные цветы. Уже повзрослевшая Люба тоже регулярно приносила две гвоздики.

Никто не догадывался, что ее цветы предназначались вождю. Периодически она среди ночи приходила к голове и просила у нее совета. Несмотря на молчание в ответ, она уже через несколько минут ощущала просветление и уходила домой с чередой ответов на свои вопросы.

По прошествии еще нескольких лет Люба превратилась в красивую девушку со стройной фигурой и, с отличием закончив школу, поступала на исторический факультет столичного университета. Во время устного экзамена по отечественной истории ей ненароком выпал билет про октябрьскую революцию. С блеском ответив, она снискала похвалу профессоров и одобряющую улыбку академиков.

— Позвольте узнать, дорогая абитуриентка... — профессор слегка замялся и, посмотрев на утвердительно кивающего головой академика, продолжил: — Позволь-

те узнать, дорогая *студентка* нашего факультета, откуда у вас в столь юном возрасте столь глубокие познания о жизни Владимира Ильича Ленина?

Люба не смогла ничего ответить, ибо новость о том, что она поступила, полностью заполонила ее мыслительное пространство, и, раскрасневшись, она выдавила:

— Ну, я всегда увлекалась историей... — В ответ члены комиссии все как один одобрительно закивали головами.

Люба подумала, что всю эту подзабытую эпопею с головой Ильича лучше не рассказывать, ибо многие здесь присутствующие даже и не верят, что такое произошло всего в ста километрах от шумной и скептически настроенной столицы.

Каждые выходные Люба приезжала домой к маме и папе. В знак благодарности за свое успешное поступление и выдающуюся учебу она приносила среди ночи голове красные гвоздики и шептала: «Спасибо тебе большое!»

С наступлением студенческих будней Люба активно включилась в исследовательскую работу и при содействии молодого научного руководителя писала статьи, с презентацией которых она периодически разъезжала по городам на зависть своим ленивым сокурсникам. А еще через пару лет она стала жить вместе со своим научным руководителем и строить далекие семейные планы.

- Если у нас родится сын, то как мы его назовем? спрашивал молодой ученый у Любы после того, как ночь напролет они любили друг друга.
  - Владимиром... отвечала радостная Люба.
  - А если дочь?
- То... пускай Надя будет... и, обнявшись, они засыпали.

Вскоре по всем каналам показали важную новость: в Москве труп Ленина вынесли из Мавзолея и захорони-

ли на Новодевичьем кладбище. К этому моменту Люба преподавала в университете курс по истории России, и сообщил ей об этом неряшливый студент Леша Дорохович. Он сперва поднял руку и, дождавшись позволительного жеста от строгой преподавательницы, сказал:

— А вы знаете, Любовь Александровна, что сегодня в Москве захоронили тело Ленина? — новость, конечно, смутила Любу, но виду она не подала. А сразу после лекции девушка села в автомобиль и приехала в свой родной город.

Голова упала и проломила своим весом неказистый новоиспеченный памятник. Вокруг стояли рабочие в оранжевых жилетах и совещались, куда же теперь ее отвезти. Не в силах смотреть на это, Люба сперва заехала домой к родителям, а когда решилась забрать голову себе, то ее уже разломали на части и утилизировали.

Растерянная и подавленная, она возвращалась в Минск, по дороге почувствовав внезапный приступ тошноты. На следующий день, сделав тест, Люба убедилась, что она беременна.

«Так это же прекрасно!» — сказал ее ученый муж. Люба частично разделяла его оптимизм. На следующий день она достала с полки книгу «Детям о Ленине» и закопала ее ранним утром во дворе своего большого дома.

Живорождение

— Хватит уже по телефону говорить! Все говорит и говорит всякую ерунду! Совсем воспитания никакого нет! — истошно вопила средних лет грузная женщина на молодую щекастую девчушку, которая в подробностях рассказывала, вероятно, своей подруге лихие подробности прошедшего пятничного вечера.

— Сейчас, Юлька, подожди... — Сказала в трубку девушка и, поправив упавшую на лицо челку темных волос, прорычала: — Пасть закрой, сука старая.

От такого ответа женщина сконфузилась и, вжавшись в сиденье, отвернула свою голову к окну троллейбуса. За стеклом мелькали деревья, дома и люди, искаженные дождевыми каплями и густым туманом, внезапно накрывшим Минск.

«Болото ебаное», — сказала сама себе девушка и, вновь приложив телефон к уху, продолжила разговор. В троллейбусе воцарилась привычная гнетущая атмосфера.

Напротив девушки сидел рабочий в коричневой тужурке и ел мелкие яблоки сорта белый налив. Съедая фрукт в три укуса каждый, он кидал огрызки прямо под ноги. Справа от него, скукожившись, сидел выпивший седовласый мужчина, молитвенно что-то бурчащий себе под нос.

Парень с красным пакетом, сидевший в заднем углу троллейбуса, пытался вглядеться в каждого пассажира, чтобы обнаружить хоть какие-то признаки жизни. Но смирно сидевшие люди словно завернулись в коконы летаргического сна, и никакой активности не выявляли...

Троллейбус остановился, и двери его открылись. В салон вбежала напуганная девушка в длинном белом платье, подпорченном множественными дождевыми подтеками. На глазах ее растеклась тушь, а милое утонченное личико было искажено гримасой ужаса.

«Живая», — прошептал парень, инстинктивно хлопнув в ладоши. Он еще до конца не верил в истинность своей находки.

Осмотрев пассажиров салона, девушка ватными шагами направилась к мальчику с красным пакетом. Троллейбус резко тронулся, и, не дойдя одного метра до ободранных задних сидений, она резко подалась вперед и упала прямо в объятия любопытствующего мальчишки.

От неожиданности он вскрикнул, а, когда девушка подняла голову и посмотрела в его зеленые глаза, полные сумасшествия, парень на весь троллейбус закричал:

— Товарищи! Да она же живая! — голос сменился заливистым смехом мальца.

В ответ на призыв все четыре пассажира повернули головы в сторону кричащего. Девушка резко встала, поправила скомканное и теперь уже выпачканное в грязи платье и прошлась взглядом по злым обезличенным физиономиям пассажиров, задержавшись на улыбчивом мальчике, который правой рукой шуршал в пакете и спешно пытался там что-то сыскать.

Поняв, что творится что-то неладное, девушка подорвалась к выходу и повернула рычаг аварийного открытия дверей, от чего троллейбус остановился и наполнился гробовой тишиной. С проезжей части тоже

не доносилось ни звука, а за запотевшими окнами не было видно ничего, кроме опустевшего города. Будто все люди умерли, машины остановились и заржавели, а день и ночь незаметно для всех слились в единое состояние постоянного сумрака.

Кабина водителя открылась, и из нее показалась абсолютная Пустота, лишь контурами напоминавшая очертания человеческого тела. Казалось, что весь свет, который каким-то неизвестным образом проникал в троллейбус из внешнего мира, поглощался этим невероятным явлением материи потустороннего мира. Излившись в пространство салона, Пустота первым делом поглотила говорящую по телефону темноволосую хамоватую особу. Ее телефон упал и еще несколько секунд источал в пространство короткие гудки. Раздался странный рокот, доносящийся откуда-то из другого измерения.

Выпивший мужчина, бормотавший доселе что-то себе под нос, встал и крикнул что было мочи:

— Храни Господь ваши грешные души, объебки! К нам пришла святая! — он раскинул руки в стороны и разжал кулаки, обнажив пробитые ладони со следами темной запекшейся крови. — Кайтесь, уебаны! Пробил час прильнуть к чистой энергии непокорной девы! — хрипел мужик.

Через мгновение Пустота метнулась в сторону пьяного предсказателя, поглотив и его. Грузная дама запыхтела. От испуга промокшая девушка попятилась назад, желая раствориться где угодно, только бы не попасться в руки вездесущей Пустоте. Споткнувшись в очередной раз, она упала на пол и ударилась головой. Прямо над ней стоял мальчик. Из красного пакета он достал блестящий кухонный нож.

Ударив ее со всей силы ногой по голове, он полоснул

ножом сперва по платью, а потом по правой щеке девушки. Закрыв лицо руками, та закричала. Юнец взял нож в зубы, а руками принялся разрывать платье.

Оголив ее небольшую изящную грудь, он в испуге отпрыгнул. На пол он не упал: сложилось впечатление, что на мальчика перестали действовать законы гравитации. Он медленно пролетел над головами двух оставшихся пассажиров и погрузился в Пустоту вслед за поглощенными. Пустота же, приняв мертвое тело и падшую душу мальчика, издала нечто, похожее на недоступный человеческому слуху ультразвук, отчего металлические поручни и пол троллейбуса завибрировали. Девушка перевернулась на живот и, кое-как прикрыв оголенное тело, приняла сидячее положение.

— Я все видела! Она крест не носит, чертовка! — верещала грузная женщина. — Что за воспитание блядское, чтобы русская девка да без креста на шее была?! Видать, Сатаною крытая, чертовка! Гнать яе! Гнать яе в дали темныя, где хозяин яе будет сосать из ней соки чревоугодия и прелюбодеяния! — перейдя практически на сопрано, женщина никак не могла утихомириться.

Впрочем, это ее не спасло. Пустота нежно обволокла ее округлое рыхлое естество и сантиметр за сантиметром погрузила в свои бесконечные владения, приняв самым последним писклявый и беспокойный голос.

Стало совсем темно. Щека источала кровь и неприятное жжение. Девушка была готова выслушать последнего пассажира перед решающей встречей с Пустотой.

Пролетарий демонстративно встал и достал из матерчатой сумки последнее недозрелое яблоко. Надкусив фрукт, он сморщился от сводящей язык кислятины. Рабочий решил обойтись без излишней церемониальности.

Да пошли вы все на х..й, черти зафаршмаченные!..вероятно, он хотел произнести что-то еще, но рас-

пался на молекулы, озарив кратковременной вспышкой света окончательно погрузившийся во тьму салон троллейбуса.

Девушка встала во весь рост и, осмыслив, что, кроме нее и Пустоты, здесь больше никого нет, приготовилась встретить свою печальную судьбу.

«Что-то хотите сказать?» — послышался голос в ее голове.

— Я живая, — ответила вслух девушка. Голос ее странным эхом разлетелся по салону, будто вокруг были каменные стены сырой древней пещеры, а не металлический корпус застрявшего в пространстве и времени троллейбуса.

«Это все?» — вновь задал вопрос тот же неизведанный голос.

— Да, — девушка закрыла глаза.

Когда Пустота была всего в нескольких сантиметрах от еще живой девушки, она вскрикнула от боли, схватилась руками за резко вздувшийся живот, и за секунду до поглощения у нее случились роды.

Маленький человек, унаследовавший душу пропавшей матери, открыл глаза в совершенно другом мире, где на него смотрело несколько пар любопытных глаз. В них читалось одновременно удивление и умиротворение.

«Как назовем подкидыша?» — спросил один голос.

«Пусть будет Юрий», — ответил второй.

«А фамилия?» — спросил первый.

«Дед в подъезде умер недавно. Мамлей фамилия была. Так и запиши», — ответил второй голос.

Через несколько минут все ушли, оставив спящего малыша в ярко освещенной комнате, напичканной детекторами и камерами наблюдения.

Квамания

Здание недостроенного паркинга в глубине высоток уже давно простаивало безо всякой охраны, поэтому ошиваться там мог кто угодно. По ночам милиционеры даже и не думали заходить в этот забытый долгострой девяностых, внутренности которого могли послужить отличной декорацией для фильмов на тему постъядерного Апокалипсиса. Но холодная война прекратилась вместе с гибелью последней сверхдержавы XX-го века, и паркинг стал обиталищем бездомных личностей, алкоголиков и прочих изгоев рыночно-социалистического общества.

Дед Макар блуждал по коридорам и помещениям этого здания, в котором каждый кубометр воздуха был пропитан сыростью и пылью. Основным доходом старика была сдача пустых бутылок из-под плодово-ягодного вина в ближайший пункт приема стеклотары. Дед Макар отправлялся на заработки обычно в такое время, когда другие бродяги либо грелись на солнышке, в качестве лежбища избрав одну из лавочек, либо попрошайничали у станций метро.

Зайдя в одно из помещений, дед увидел странного молодого человека, одетого в черный костюм явно не самого худшего покроя. Человек лежал лицом к земле, а

в вытянутой правой руке намертво сжимал бутылку из темного стекла. «Как раз то, что нужно», — подумал дед и уже подошел к лежащему телу, чтобы извлечь ценный продукт легкой промышленности. Но человек сжимал бутылку настолько сильно, что деду пришлось поставить на землю полотняную торбу и одной рукой разжимать пальцы человека, а второй изо всех сил вытягивать бутылку. «А ведь это тоже труд», — подумал дедуля, и в это самое мгновение бутылка была извлечена из мертвой хватки лежачего. Как только сосуд оказался в руках у старика, в его голову стали врываться странные мысли о ненависти, злости и насилии, сопровождающиеся случайными кадрами из какой-то передачи про мир дикой природы.

Встряхнув голову, дед кое-как избавился от назойливых картинок. Однако мысли, будто бомбардировщик Б-29, зависший над Хиросимой, не давали ему никакого покоя.

Старик, сражаясь со своими мыслями, стал свидетелем того, как человек в черном костюме приподнялся с пола и, отряхнувшись, встал на ноги. Они стояли друг против друга, и взор человека в костюме был целиком и полностью устремлен на деда. Секунду спустя он с серьезным видом произнес:

— Ква... — низкий голос эхом раздался по помещениям недостроенного паркинга.

Дед в ответ не знал что сказать и уже вроде как начинал в головном мозге генерировать слова оправдания, но тут человек снова заговорил:

— Ква! Ква! — и слова эти, сопровождаемые величественным эхо, подействовали на старика, словно волшебная палочка Гарри Поттера. Он почувствовал, как рука поднимается вверх и горлышко злополучной бутылки уже касается его губ. Содержимое бутылки по-

средством нескольких глотков переместилось в область желудка, и, исполнившись непонятными и доселе неизведанными эмоциями, дедуля произнес свои первые слова:

— Ква... — сказал он сипло и тихо, если сравнивать с баритоном человека в черном костюме.

Затем они вместе встали на четвереньки и принялась ходить по кругу. У каждого был свой круг, но когда их взоры встречались, они моментально замирали и про-износили в такт друг другу «ква». Сделав шесть кругов, словно сраженные контрольным выстрелом солдаты Красной армии, они слегли замертво.

Они лежали несколько часов, пока в это же помещение случайно не забрел хамоватый школьник Вася Захрюков. На паркинг он ходил исключительно прогуливать уроки и курить настрелянные у старшеклассников сигареты. Затягиваясь ароматным табаком и рассуждая о том, как бы ему охмурить симпатичную одноклассницу, Василий внезапно наткнулся на два лежащих тела. У одного из них, пожилого в зеленом пальто, в руках была бутылка из-под чего-то алкогольного.

«Даю зуб, что там еще осталось», — подумал довольный Вася и принялся с рвением изымать бутылку из крепко сдавивших ее старческих пальцев.

— Крепкий дед, однако... — сказал Вася, немного поднатужившись. Через несколько секунд упорной борьбы бутылка оказалась в его руке, и тут Захрюкова начали посещать таинственные видения. В них какие-то странные люди, облаченные в белые простыни, ходили по кругу с высоко поднятой правой рукой. У каждого из этих незнакомцев в руках был горящий факел. Вася мог дать два пальца на отсечение, что это последователи каких-то древних славянских культов... Но эти окультисты пели песни на иностранном языке,

который был одновременно красивым и пугающим. Был в них какой-то тайный сатанинский смысл. Далее любопытный школьник стал свидетелем того, как дед и человек в черном костюме совершают некое ритуальное таинство

- Ква! произнесли оба представителя мужского пола, нагнав на школьника страху пуще прежнего. Он было хотел пуститься в бега, но ноги не двигались с места, и как-то сама собой зазвучала речь. Сам того не желая, Василий произнес:
- Ква! Ква! потом, поставив бутылку в центр воображаемого круга, он резко присел на четвереньки. Вместе с ним плавно опустились на пол дед Макар и человек в костюме. Они построились друг за другом и принялись прыгать по пыльному полу, словно лягушки. Через каждые три прыжка один из них произносил метафизическое «ква». По прошествии очередных трех песню подхватывал следующий. Еще трех замыкающий колонну прыгунов-затейников.

Они сделали восемнадцать кругов и упали замертво. В пыльной комнате братья по несчастью пролежали порядка десяти часов, пока дежурные милиционеры не решили посетить заброшенное здание по той причине, что у одной из мам со школы не пришел ребенок. Взволнованная мама позвонила в милицию, при этом не забыв сообщить, что слышала от строгой учительницы о прогулках Василия вместо уроков. Конечно же, она указала на паркинг. Один из милиционеров, увидевший школьника и еще два тела, сначала подумал, что это трупы. Но решив удостовериться, как это полагается по инструкции, стал проверять пульс. Как ни странно, пульс оказался ровным.

— Вот же блин! — сказал милиционер, заприметив бутылку с каким-то содержимым.

Второй тем временем от нечего делать постукивал дубинкой по ладошке.

Прапорщик взял в руки бутылку и приставил горлышко к носу, пытаясь по запаху определить характер содержимого. Нюхнув один раз, он начал резко и глубоко втягивать запах носом, отчего его сопение было похоже на фырканье одичавшего кота.

- Петрович! Петрович! Ты чего, Петрович? произнес второй охранник правопорядка и побежал к своему напарнику. Тот протянул ему бутылку, а сам принялся плясать танец казачка, продолжая фыркать. Второй милиционер, занюхав содержимое, почувствовал резкую боль в висках, и перед его взором предстали давно забытые картины военных учений. Еще в то далекое время, когда он служил срочную в армии. В такт раздававшимся в голове артиллерийским залпам он тоже принялся танцевать казачка, поставив предварительно бутылку на землю. Трое: школьник, дед и человек в черном костюме — очнулись и принялись двигаться по кругу, ритмично квакая.
  - Ква! сказал хрипло дед
- Ква! Ква! произнес басом человек в черном костюме.
- Ква! Ква! Ква! Ква! Ква... детским голосом замыкал цикл ошалевший школьник. Вскоре их кваканье лишилось всякого порядка и слилось в одно полифоническое «ква», от того что все беспорядочно произносили это звукосочетание.

Ритуальные танцы и песнопения продолжались около минуты, а затем вся братия упала на землю, наверное, где-то в глубинах подсознания проклиная бутылку с неведомым веществом.

Минут через десять на тела наткнулись сотрудники спецназа, вызванного в связи с тем, что прапорщик

ППС Дубенко, под контролем которого осуществлялся патруль территории, перестал выходить на связь. Спецназовец с автоматом наперевес, видя все это зрелище, интуитивно почувствовал, что каким-то боком бутылка, поставленная на пол, замешана во всех этих приключениях. Он прощупал пульс каждого: на удивление, он был ровным и не вызывал никакого опасения по поводу здоровья «потерпевших». Бутылку в руки он брать не стал, а вызвал первым делом скорую помощь. После приезда медиков о происшедшем инциденте требовалось сообщить людям из специального отдела.

Первыми приехали криминалисты, облаченные в черную химзащиту. Они достали какой-то подозрительный контейнер, похожий на инструмент для опытов физиков-ядерщиков. Взяв злополучную бутылку руками, упакованными в резиновые перчатки, они погрузили ее в привезенный для консервации контейнер.

— А это тот самый? — еле слышно произнес один из сотрудников спецотдела.

Спецназовец, который находился рядом и был в курсе дела, утвердительно кивнул головой.

- Он самый: Георгий Брусничкин, главный технолог Веселовского завода алкогольных напитков. Сбежал недавно, отравив каким-то пойлом троих своих односельчан...
- Что-нибудь необычное видели? спросил один из химиков, лицо которого было сокрыто черным противогазом. Спецназовец в ответ лишь усмехнулся, дав, вероятно, таким образом утвердительный ответ на поставленный вопрос.

Санитары тем временем грузили тела на носилки и в порядке очереди заносили в подъехавшие к недостроенному паркингу автомобили. Спецназовец снял черную

маску и закурил, оглядывая осыпавшиеся стены помещения.

Докурив, он сел за руль черного УАЗа и уехал вслед за машиной скорой помощи, оставив ученых одних разбирать последствия этих странных событий.

Корпорация наслаждений

Каждую пятницу Порфирий Петрович ужинал в домашнем кругу, обсуждая с интеллигентной женой поэзию раннего Лермонтова и заграничные стихи Николая Гумилева.

- Восемь часов вечера, Порфирий! строго произнесла жена.
- Спасибо, Марфуша! произнес Порфирий и вытер рот салфеткой. Положив грязную тарелку в раковину, Порфирий Петрович вышел в коридор и накинул тулуп на тело.
- Такси я тебе вызвала! послышался слегка растерянный голос жены, эхом разносящийся по квартире. В ответ Порфирий Петрович ничего не сказал и лишь погасил свет в коридоре.

Он вышел в прокуренный подъезд, символически хлопнул дверью и побрел вниз по ступенькам, вдыхая смесь ароматов табака и противного запаха из вечно забитого мусоропровода. Тусклые лампочки в подъезде создавали ощущение уныния и упадка, озаряя своим электрическим свечением анонимные нецензурные надписи на обшарпанных стенах. Выйдя на свежий воздух, Порфирий Петрович вдохнул полными легкими город-

ского осеннего воздуха. Возле дома его ждала черная машина со знакомым водителем. Открыв тяжелую бронированную дверь, он взгромоздился на переднее сиденье.

- Здравствуйте, Порфирий! произнес водитель с невозмутимым выражением на малоприметном лице. Несмотря на довольно частые совместные поездки, Порфирий никак не мог запомнить его внешне и узнавал человека только по машине. Впрочем, ни автомобиль, ни самого водителя Порфирий Петрович никогда не встречал в городе и даже думал о том, что этот таинственный перевозчик появляется здесь исключительно по работе.
- Здравствуй, Пронька. Как жизнь молодая? произнес Порфирий Петрович и пристегнулся ремнем безопасности.
- Как в Польше дела, ответил Пронька, у кого больше, тот и пан! Усмехнувшись, Пронька завел автомобиль и резко тронулся. Они поехали мимо домов, в окнах которых теплился свет.
- Адрес тот же? на всякий случай спросил Пронька, осторожно посматривая по сторонам на перекрестке.
- Последняя пятница месяца же, коротко ответил Порфирий Петрович.

Пока машина петляла по улицам города, Порфирий Петрович смотрел в окно и взглядом провожал яркие вывески ночных клубов, магазинов и торговых центров. Изредка в его поле зрения попадали лица молодых людей, что глазами провожали дорогой черный автомобиль, хотя таких, в общем-то, в центре города были сотни.

Во время передвижения Порфирий Петрович думал обо всех этих людях и явлениях, о которых мир судит только по их внешней оболочке. Однако же каждый человек сам по себе мир, и вся вселенная, получается,

состоит из множества миллиардов таких миров. Когда мысли Порфирия перешли на предмет высшего разума, цепочку его философских умозаключений прервал Пронька.

— Приехали, Петрович! С вас 500 рублей! — Пронька держал руль двумя руками и своими зелеными глазами, буквально, сверлил замершее в мыслях тело Порфирия Петровича. От внезапного вмешательства Порфирий Петрович вздрогнул и тут же полез во внутренний карман тулупа за деньгами.

Отдав деньги таксисту, Порфирий Петрович наклонился к коробке передач и по-брежневски поцеловал того в щетинистую щеку. Пронька улыбнулся.

Порфирий Петрович покинул салон автомобиля и оказался напротив входа в монолитное высотное здание, на вершине которого металлическими буквами было выведено «Subspace Systems».

Как только Порфирий Петрович подошел к дверям этой громадной корпорации наслаждений, они распахнулись автоматически. В холле с зеркальными стенами загорелся яркий свет. Механизированный голос произнес: «Порфирий Петрович идентифицирован». В ответ мужчина кивнул головой своему импровизированному собеседнику и, боковым зрением следя за собой в отражении бесчисленных зеркал, подошел к лифту, что располагался в самом конце длинного холла.

* * *

Степа выглядел крайне небрежным. Изредка он покидал свою квартиру, сплошь уставленную компьютерами и WI-FI антеннами. Он не брился и вряд ли помнил, когда в последний раз принимал душ. Уткнувшись носом в синий экран с бегущими строчками, Степа нервно улыбался. Его угреватое лицо было преисполнено чувства самоудовлетворения, будто парень наконец-то достиг того, к чему стремился уже долгое время.

— Три месяца я изучал вашу чертову систему безопасности, — пробормотал Степа себе под нос, что-то набивая на стертых клавишах.

Нажав клавишу «Enter», Степа от радости вскочил и принялся прыгать по своей комнате. От его неустанных прыжков стены слегка сотрясались, а по нескольким включенным мониторам пошла редкая рябь. Побесившись около минуты, он сел в свое рабочее кресло и, потерев друг о друга руки, принялся запускать программу, попутно поедая пожухлую сосиску.

— Порфирий Петрович в ловушке, а десять штук у меня в кармане!

Разглядывая процесс установки, Степа откинулся на кресле и закурил сигарету. Если он все сделал правильно, то неугодный предприниматель скоро станет постояльцем лучшего мира.

* * *

Двери лифта распахнулись, и Порфирий Петрович оказался в громадной уютной квартире с кожаными диванами и хрустальными люстрами. В центре квартиры совершенно неподвижно стояла девушка. Она будто и не замечала вновь прибывшего гостя.

Для того, чтобы это миловидное создание заговорило, Порфирий Петрович должен был сказать кодовое слово.

— Мой конь Прополис скачет по полю! — громко крикнул Порфирий Петрович, и девушка резко повернулась к гостю лицом. Мягким размеренным шагом она пошла к нему навстречу.

Выглядела девушка как совершенно обычный человек. Единственное, что ее отличало от сверстниц из

плоти и крови — глаза. В зеленых ее глазах совершенно не было жизни, они не могли отражать чувства или желания, а просто-напросто являли собой элемент декора серийного андроида.

— Здравствуйте, Порфирий Петрович! — произнесла девушка приятным мягким голосом, располагающим к грядущим плотским утехам.

Порфирий Петрович частенько захаживал в это заведение, но данная модель ему была совсем не знакома. Вероятно, это была последняя модификация и полагалась ему как постоянному посетителю этих высокотехнологичных чертогов разврата.

— Назови свою версию, — сухо произнес Порфирий Петрович, жадно поедая глазами свежее на вид тело.

Девушка в ответ несколько раз хлопнула веками: вероятнее всего, ее процессор сейчас загружался. Вскоре ее неживой взгляд встретился с похотливым взором Порфирия Петровича.

— Серия «Клоцкевич». Серийный номер 23464AZT7. Произведена в лаборатории Новосибирского парка высоких технологий. Дата выпуска: 12 января 2021 года. Срок годности –10 лет, — когда робот выполнял технические команды, интонация его голоса становилась монотонной, что окончательно выдавало его искусственное происхождение.

«Опять в книгу жалоб писать придется, дабы исправили этот недочет, сколько раз уже говорить одно и то же», — недовольно подумал Порфирий Петрович. Сенсоры андроида тут же распознали смущение клиента, и робот принялся действовать согласно установленной инструкции.

— Может, вы хотите выпить, уважаемый Порфирий Петрович? — произнесла девушка сексуальным голосом. Настроение посетителя несколько улучшилось.

— Давай, красавица, а имя у тебя хоть есть? — нарочито спросил Порфирий.

Девушка отправилась к бару за шампанским и, обернувшись, кротко произнесла:

— Меня зовут Лиза, Порфирий Петрович!

* * >

Любопытный системный администратор следил за процессами, что происходили в каждой из «палат наслаждения». В его кабинете стоял лишь громадный компьютер и большой рекламный стенд. «Корпорация наслаждений. С нами не скучно!» Сразу под надписью красовалась полуобнаженная девушка. На данный момент администратор наблюдал за Порфирием Петровичем. Толстый богатей сидел в кожаном кресле и смаковал шампанское из хрустального бокала. Слежка за клиентами была под запретом, но администратор давно питал презрение к этому жирному куску мяса. Каждый раз после очередного визита бизнесмен писал какой-либо гнусный пасквиль в книгу жалоб, из-за чего многих коллег по работе систематически лишали квартальной премии.

— О, поехало! — радостно произнес админ, как только Порфирий Петрович скинул с себя тулуп и так же хаотично принялся стягивать всю одежду, обнажив свое грузное тело, поросшее густыми клочьями черных волос.

* * *

Степа подключился к корпоративной сети и, надеясь, что сетевой администратор не обратит внимания на перегруженность основного канала передачи данных, принялся смотреть, как Порфирий Петрович ползает на четвереньках и вылизывает теплые ноги андроида. Он ждал нужного момента, чтобы загрузить свой хитроум-

ный вирус в подсистему работающего по строгим алгоритмам процессора.

* * *

Обнаженная Лиза сидела верхом на спине у Порфирия Петровича, а тот в свою очередь выл, словно подбитый дворовый пес.

- Вези меня в ад, Порфирий Петрович! говорила она своим сексуальным голосом. Вези меня в ад, маленький подонок! Как только мы будем в аду, я тебя накажу!
- Бегу, милая, бегу, милая! истошно вопил запыхавшийся Порфирий Петрович. Вскоре он грохнулся на пол. Лиза просчитала этот момент и властно поднялась над его телом.
- Я устал, Лизонька! Я не выполнил нормы! Только не бей меня, не бей меня, пожалуйста, детка моя! мямлил Порфирий Петрович
- Значит, ты будешь наказан, маленький негодник! зло произнесла Лиза и, склонившись над телом павшего бизнесмена, взяла его вялый член в руки. Порфирий Петрович сладострастно захрипел. Улыбнувшись, Лиза открыла прилегающую к стене тумбочку и достала кожаную плеть.
- Я скакун! Я скакун, резвой и молодой! кричал Порфирий Петрович, уткнувшись носом в пол. Лиза принялась хлестать бизнесмена плетью. Тот постанывал и фырчал, словно цыганская лошадь. Когда он, как червяк, начал ползти к креслу, Лиза опять склонилась к комоду и достала потертые калоши. Обернувшись, Порфирий Петрович завыл и взвалился на спину. Руками и ногами он колотил по полу, пока его живот, словно желе, содрогался из-за интенсивных телодвижений.
  - Милиционер! Не бей меня! Не бей меня, охран-

ник государев! — Лиза в ответ ничего не сказала. Она молча подошла к дергающемуся Порфирию Петровичу и, швырнув плеть куда-то в сторону, бросила на пол калоши.

- А я сплю и вижу, как лежу я такой весь заса-а-а-аленный, грязненько-о-ой, возле мусо-о-о-орки, а милиционер бьется галошей вонючей по лицу моему! бормотал себе под нос Порфирий Петрович, истошно мотая руками и ногами.
- Кто валяется возле мусорки, признавайся сразу, хватит тут уже валяться, разносить заразу! в эти мгновения голос секс-андроида серии «Клоцкевич» приобрел низкие, угрожающие, практически мужские нотки. Порфирий Петрович в истерике заорал, а Лиза принялась лупить его калошами по лицу.

* * *

Степа запустил вирус.

* * *

Администратор внезапно перестал смеяться из-за раздавшегося воя сирены.

— Бляха, кто-то систему грохнул! — произнес он и принялся судорожно бить по клавишам. — Черт возьми, я же канал расшарил...

* *

Андроид серии «Клоцкевич» внезапно замер, Порфирий Петрович, будучи на вершине блаженства, замолк, почуяв неладное. Затем андроид резко дернулся, и глаза его отдали красным свечением. Со скоростью ласки робот рванул за плетью. Порфирий Петрович поднялся на ноги, и в этот самый момент Лиза накинула ему на шею кнут и принялась душить.

* * *

— База! База! — истошно кричал админ. — Вызовите расстрельную команду, у нас все андроиды убивают клиентов!

Когда рота спецназа на черных автобусах подъехала к зданию, администратор переключал мониторы и наблюдал, как в каждой из комнат секс-андроид убивал своего клиента. В комнату сисадмина прибыл командир спецназа.

— Что тут у вас стряслось? — грозно спросил он.

Дрожащей рукой администратор указал на монитор, где металлической булавой андроид уничтожил клиента, размозжив ему голову.

— Ббб... БДСМ-революция... — прошептал тихонько администратор, готовый вот-вот расплакаться.

Командир лишь кивнул головой и передал что-то нечленораздельное своим бойцам по рации.

Монолог Митяя

Гена учился в седьмом классе и из всех предметов больше всего любил русскую литературу и географию. Часто Гена попадал на всякие олимпиады, участвовал в конкурсах и различных проектах, имел репутацию любознательного ученика. На золотую медаль, конечно, мальчик не тянул. Но и хулиганом тоже не был. Таких, как Гена, учителя обычно не замечали, а поэтому особых проблем у Гены никогда не было. За исключением одной. Гена очень стеснялся девочек.

Он смотрел на их гибкие станы. Ему хотелось подойти к каждой из них. Обнять за талию. Может, даже поцеловать, как это часто показывали в американских фильмах. Но он стеснялся, и каждый раз, когда надушившаяся духами Оля или ярко разукрашенная Надя оказывались рядом, он краснел и не мог из себя выдавить ни единого слова.

Гена старался отвлечься от этих трудностей. Но, когда видел старшеклассников и старшеклассниц, держащихся за руки и целующихся на курилке за школой, он думал, что никогда и ничего в его жизни не изменится.

«Эй, Рыжий!» — кричали ему одноклассники снежной зимой. «Рыжий, пошли играть в снежки!» — а в этот момент Гена очарованно наблюдал за Юлей. Русой де-

вочкой из параллели. По весне лицо Юли покрывалось веснушками, которых она жуть как стеснялась. Несмотря на то, что Гена был рыжеволосым, его лицо всегда оставалось болезненно-бледным.

Когда Гена смотрел на Юлю, глаза его наполнялись любовью, а сердце сильно стучало. В такие моменты мальчик пытался стать незаметным, ибо ему казалось, что этот непроизвольный стук услышат окружающие и разоблачат его страшную тайну.

Очнулся он от крепкого подзатыльника.

— Ты чего, глухой что ли? — от удара Генина шапка упала на снег.

Гена обернулся и увидел своего друга Тиму, во взгляде которого читалось раздражение. «На конопатую, что ли, засмотрелся?» — услышав подобное хамство по отношению к даме своего сердца, Гена со всей силы толкнул Тиму руками и побежал прочь к автобусной остановке.

В соседнем подъезде у Генкиного крестного папы комнату снимал студент. Он часто видел, как Митяй гулял в обнимку со зрелыми девушками и пил помногу пива. Девушки смеялись с рассказов парня. Крестный же говорил, что Митяй был хоть и разгильдяем, но парнем честным и «не мусорским».

Как-то, когда Гена пил лимонад у крестного, подпивший Митяй с черным тубусом под пахой сказал школьнику, что если у того возникнут какие-то проблемы, то к нему можно будет смело обратиться. Гена самонадеянно решил, что нужный час пробил и можно расспросить у Митяя, в чем его секрет обольщения и какие тайны скрывают за собой эти милые создания, которые так приятно пахнут?

Решив домой не спешить, Гена сразу же заскочил в соседний подъезд и, поднявшись на второй этаж, посту-

чался в потрепанную дерматиновую дверь, украшенную узором из стальных заклепок.

За дверью послышался шум. Так как дядя был в это время на заводе, то источником шума мог быть только Митяй. Гена постучался вновь. Дверь открылась.

- О малой, здорово! сказал сонный Митяй. Под его глазами красовались сочные синие мешки, волосы были растрепанные, а на шее виднелись красные следы женской страсти.
- Привет, Дима! Дело есть! произнес Гена, слегка волнуясь.
- Даже так... Ну, проходи тогда... без особых эмоций в голосе ответил Митяй и отправился в свою комнату, чтобы одеться. Выйдя в шортах и заляпанной майке, он пригласил Гену на кухню и поставил чайник на плиту. Гена растеряно мялся, не зная, с чего ему начать свой рассказ.
- Ну так что, Геннадий, случилось-то у тебя? после минутной паузы приободренно спросил Митяй. Себе он взял бутылку пива из холодильника, а Гене налил чая в металлическую походную кружку.
- Понимаешь, Дима, у меня проблема. Я очень стесняюсь девочек, и постоянно мое сердце колотится, когда я вижу свою принцессу. Ну и других принцесс... Что делать-то? Я, вообще, за советом пришел: ну ты мне тогда говорил еще...

Гену Митяй перебил:

- Все спокойно, братан! Я тоже таким был! Он привстал и похлопал Гену по плечу. Тот мигом обрадовался и почувствовал, как глубоко в его душе прорастают колосья недостающей ему уверенности. Митяй начал свой монолог:
- Прежде всего, дорогой мой друг Гена, ты можешь подумать, что главное в девушке это ее внешность или

даже черты характера. — Гена судорожно кивал головой, стараясь запомнить каждое слово. Митяй же говорил с таким серьезным видом, будто защищал диссертацию перед светочами научной мысли. Это значило, что к проблеме он относился серьезно. — Запомни раз и на всю свою жизнь, мой юный дружище: главное у девочки, сколько бы ей лет ни было — это ее имя. Имя — оно дано не просто так. Это прелестное созвучие букв, слово женского рода, которое энергетикой звучания задает определенный магнетизм. А это значит, что мышление у каждой такой девы будет поддаваться особой схеме воздействия. Когда ты обращаешься с определенной интонацией по имени к симпатичной тебе особе, ты должен улавливать ее взгляд, который проникает в самые твои сокровенные мужские глубины.

Открыв форточку, Митяй закурил сигарету с фильтром.

- Про какие имена ты хочешь узнать, дружище? спросил он у Гены.
- Настя. Анастасия была отличницей, прилежной девочкой и всегда мама ее каштановые волосы заплетала в две косички. Иначе Настю никто представить не мог.
- Анастасия, значит... Митяй на несколько секунд закрыл глаза и еле заметно улыбнулся уголками губ. Насти они такие болтливые девочки. Очень любят смешные истории, но их эта безустанная радость порой сменяется стремлением избегать твоего присутствия. Каждая Настя может отдаться тебе полностью. А может покинуть тебя навсегда, и ты будешь испытывать то же самое, что чувствовал сам Иисус, когда был на кресте. Анастасии вне зависимости от возраста любят собой красоваться, и их природная красота действительно дает несколько очков вперед всем остальным девам. Будь осторожен, если ты связался с

Анастасией. Они — как минные поля, которые, если и прощают ошибки, забирают в итоге часть тебя с собой.

- Ну а что насчет Маши? У Гены во дворе жила Маша. Она была белокурой девочкой, и волосы ее едва доставали плеч. Она часто любила мотать головой так, чтобы волосы разлетались и беспорядочно спадали на ее круглое личико.
- Мария.... Может показаться простой. Но на самом деле у них есть козырь. Это решительность Марии. Во всех рассказах про войну, которые тебе доводилось читать на уроках русской литературы, санитарки были Машами. Потому что если такая Маша решила идти на войну, то пойдет до конца, и израненная рука поднявшего флаг над Берлином будет замотана именно санитаркой Машей. Будь готов ощутить от нее поддержку, но, если ты предашь, Маша молча тебя расстреляет, коть и будет потом горько плакать. Но не сожалеть о содеянном. Каждая Маша реалистка, и закон для нее существует не только на бумаге. Закон для нее такое же святое понятие, как и любовь, сказав насчет Маши, Митяй докурил сигарету и сделал сразу несколько глотков пива.

В голове воодушевленного Гены возникали самые разные девичьи образы и всплывали имена, про которые ему надо было непременно узнать, прежде чем он спросит о своей веснушчатой пассии.

- А про Наташу что?
- Наташа... прошептал Митяй. Очень сложное имя. Тут важно знать, как оно пишется полностью Наталия или Наталья. От этого зависит, насколько наша Наташа будет призраком. В том плане, что Наташа может быть как приведение рядом с тобой, а потом внезапно вторгнется в материальный мир, и тогда начнется хаос и разрушение. И поверь, никто не сможет

остановить Наталию, хотя с Натальей еще можно договориться за определенную жертву с твоей стороны. В любом случае, злость Наташи — это проблема в первую очередь для тебя, а не для нее.

- Ясно. А что насчет Ани? услышав это имя, Митяй смягчился.
- Аня, мой юный друг, имя такое же древнее, как и сам Бог. Это чтобы ты знал. Никогда не думай, что Аня глупая и чего-то в этом мире не понимает. Она не всегда может объяснить, чего хочет, и выразить свое глубинное понимание вопроса. Тем не менее, она как солдат на войне в бою ориентируется лучше любого генерала. Если имеешь дело с Аней, то попробуй хотя бы на несколько шагов предугадать, чего она там у себя в уме надумала. А уже потом пробуй искать подход.
- Кристина! с приказной интонацией выпалил Гена.
- Ты правильно, мой юный друг, выбрал такой тон обращения к этому имени. Любят они власть. Но ограниченную. Если дать бразды правления Кристине, то растеряется она, упадет на колени и плакать будет. Так и надо делать. А потом обнимаешь ее за голову и говоришь: «Ну чего ты мокрая такая?» и с лица волосы убираешь. «Я же с тобой такая дурочка...» И обещаешь ей, что не оставишь ее в аду тогда будет она предана. И на сторону ходить не будет. Имя-то ейное от Христа произошло. А он за всех нас мучился. И мучения Кристину преследуют веки вечные. Тут главное не накрутить, не переусердствовать, иначе на ее сторону высшая сила встанет, и тогда не сможешь ты исправить уже ничего. Судьба на картах твоей жизни играть начнет и всё тогда. Пиши пропало.
- А Ира, с Ирами что? Гена не мог больше терпеть. Сейчас ему хотелось знать все и про всех.

- Иры. Иришки и Ирины. На лице Митяя выразилась озабоченность. Легкомыслие у них. Могут сказать: «Дима, а мы ведь друг друга-то и не любили», и потом просто исчезнуть.
- Даша... Гена говорил, будто играл роль строгого преподавателя, принимавшего экзамен.
- Дарья основной антипод Ани. Если у последних сущность скрытая, то у этих бестий она явная. Ты будешь просто сторать от их взглядов, а когда прикоснешься к душе и плоти нареченных этим именем особ, то можешь рассчитывать, что всё будет так, как ты себе и представлял. Бывает, вот смотришь на бабу, а в постели она бревно полное. Да и по жизни бревно. А с этими все не так. Эти как танк Т-90. Прут и п..здец: не остановить никаким гранатометом. Будь осторожен с Дашами. Захватят и всё. Не сбежишь потом ни в какие жаркие страны.
  - Я видел Т-90 по телевизору... сказал Гена.
  - Страшная штука... подтвердил Митяй.
  - А что насчет Оли, Дима? спросил Гена.
- Ольга. Сложный характер. Капризный, я бы даже сказал. Не все Олю поймут. Далеко не все. А с ними как раз на понимании и строить надо. Не на действии. Точнее, действие важно, но оно тут вторично. Главное, увидеть в ее глазах согласие. Не такое, которое «да» и всё. А такое, которое в гармонии заключается.

Получив достаточно информации о тех представителях женского пола, с которыми он непосредственно общался, Гена отважился и решил спросить про основной объект своих интересов.

— Что ты скажешь про Юлю?

Перед тем как ответить на вопрос мальчика, Митя открыл еще одну бутылку пива.

- Если честно, я очень поверхностно знаком с женщинами с таким именем, — увидев на лице Гены недоумение, студент поспешил его успокоить: — Но это вовсе не значит, что я ничего по этому поводу тебе не могу сказать. Скорее, наоборот. Юли таят в себе тайны, которые разгадать нам, представителям мужского мира, просто невозможно. Это очень ярко проявляется при выборе ими партнеров. Критерии их выбора совершенно непонятны и пуще всех остальных лишены какой-либо логики. Юля по сути своей императрица. Ей важно подчинение или война. Иных смыслов существования она не видит. Подчинение ей — это не рабство, это честь выполнять секретные приказы. Что такое война — это выжженные поля и, в конечном итоге, усталость. Что такое победить Юлю — я не знаю. Наверное, это похоже на опустошение. Или молодой побег магического дерева...
- Молодой побет магического дерева... словно молитву повторил эти слова Гена. Спасибо, Дима, я пошел!

Ничего не объяснив, Гена застегнул куртку и побежал к выходу.

- Эй! крикнул ему напоследок Митяй. Но помни, что все они лживые и коварные!
- Лживые и коварные.... прошептал Гена и захлопнул входную дверь.

Этим вечером Гена поставил на плиту чайник и кипятком залил двух хомячих, живших у него в аквариуме. Вызвав у животных продолжительный пронзительный писк, он черпаком выловил их обваренные трупы и выкинул в мусоропровод.

— Идите к чертям, лживые и коварные! — сказал он зло. После обряда жертвоприношения в душе он дал обещание, что больше никогда не будет думать ни про

Юлю, ни про других девочек, какими бы прекрасными именами они ни были наречены.

Через неделю Гена сказал родителям, что будет постоянно ходить в воскресную школу.

Первая

В квартире занимались сексом. Так бы подумал каждый посетитель темного подъезда, проходя мимо деревянной двери с погнутым алюминиевым номерком «69». Бабушки, шатаясь из гастронома домой, часто качали головой, выслушивая отголоски бурных вакханалий, которые устраивали сомнительные квартиранты на скудных нескольких десятках квадратных метрах выстраданной хозяевами жилплощади советской застройки.

В квартире жило четверо — они называли себя общиной. Одна девушка. Некрасивая. И трое братьев неопределенного возраста и происхождения. Часто можно было видеть их грязные лица, вероятно, немытые тела, упакованные в старые телогрейки и ватники.

Соседские мальчишки иногда сидели на ветвистых яблонях, пытаясь заглянуть в окна этой странной квартиры. Они часами могли что-то высматривать, придумывая живущих там монстров и сочиняя с ними причудливые сюжеты, навеянные потоками деструктивной информации из трещащего телевизора. Иногда в окне возникала некрасивая женщина, голая по пояс, которая смотрела хладнокровно на мальчишек, от чего тех кидало в ужас и они как можно быстрее пытались покинуть дерево. Как-то раз один из них свалился, не справив-

шись со стремительным спуском. В итоге — сломанная рука.

С тех самых пор по двору, состоящему из нескольких панельных домов, доломанной детской площадки и укатанной асфальтом стоянки для автомобилей, ходила легенда о сатанистах, оборотнях и похитителях домашних животных. Говорили, что лохматых собачек и полосатых котиков жесточайше убивали в целях жертвоприношения и экспроприации душ. Слухи бы так и оставались слухами, если бы не произошедший случай с маленькой девочкой Розой, которую маменька в тот роковой день отправила в магазин за молоком.

Роза была послушной девочкой: каждое утро она вставала и первым делом тащила в коридор собранный с вечера портфель, затем ставила блестящий чайник на белую советскую плиту и шла будить маму. Пока мама просыпалась и занималась утренним туалетом, Роза намазывала свежие ломти батона сливочным маслом — обычное утро среднестатистической девочки. С тайной общиной ее связывало только то, что жили они в одном подъезде.

Маменька уходила на работу в здание старого, но непотопляемого завода, а Роза топала в школу. Там она будет сидеть целый день за своей первой партой и, словно опытный боец красной армии, выполнять приказания строгой учительницы.

Она шла мимо серых, независимо от времени года и погоды, зданий. Под ее ногами разбитый асфальт изредка издавал скупые хлопки, контактируя с каблучками.

Так было всегда, по крайней мере, все шесть лет ее школьной жизни. Вернувшись в обед домой, Роза увидела прикрепленный к зеркалу листочек бумаги в клеточку, на котором мама своим неразборчивым почерком написала короткое задание: к ужину надо бы купить молока.

Роза посмотрела в зеркало на свои черные курчавые волосы и веснушки, покрывающие лицо. Они раздражали больше всего. Противоположный пол, окружающий ее, был еще слишком мал, чтобы понять всю ценность и притягательность этой особенности, а сама Роза была еще слишком дитя, чтобы ощутить всю сексуальность своего лица, покрытого золотой россыпью.

За бумажкой с заданием было прикреплено несколько мелких купюр. Как раз хватит только на молоко: ни больше ни меньше.

Роза надела свои туфли, купленные мамой на рыночной распродаже.

Игнорируя лифт, она понеслась по лестнице прямиком на первый этаж. В этот раз Роза настолько замечталась во время спуска, что не заметила тучной фигуры некрасивой женщины с третьего этажа.

Столкновение.

— Извините, пожалуйста... — промямлила Роза, краснея от смущения.

Женщина лишь улыбнулась, обнажив бросающееся в глаза отсутствие передних зубов, и, тяжело вздохнув, схватила девочку. Та от испуга не произнесла ни слова. В следующую секунду дверь из дерматина на третьем этаже захлопнулась.

Закрыв за собой дверь, женщина вернула девочку на ноги. Ступнями Роза ощутила что-то мягкое, вроде ковра, под ногами. Несмотря на испуг, у нее в голове промелькнула мысль, что никто не стелет ковры в прихожей. Чтобы убедиться в достоверности своих доводов, она все же опустила глаза вниз и увидела большой ковер, сшитый, скорее всего, из шкур бродячих животных — собак и кошек. Вот тут Роза уже не выдержала и закричала, а в следующее мгновение потеряла сознание. Ее легкое тело, которое должно было шлепнуться

на меховое покрытие, вновь было подхвачено хозяйкой.

На крик сбежались из комнат и кухни братья некрасивой женщины.

- Что есть сие, Аманта? произнес один, грузный, нестриженый и в тельняшке. Больше ничего из одежды на нем не было. И свисающие гениталии, припорошенные пучками слипшихся волос, были тому свидетельством.
- Сие есть светлый лик эха грядущего Апокалипсиса... — ответила Аманта довольно низким для женщины голосом.
- Это часть твоего видения, мать? произнес на этот раз худощавый лысый парень лет девятнадцати с исколотыми предплечьями и впавшими глубоко в основание черепа глазами.
- Не знаю, вместо Аманты ответил последний житель общины седой старик с небесно-голубыми, слегка выцветшими глазами. Он подошел к женщине, державшей девочку, и рукой погладил Розу по волосам, пахнущим мылом и свежестью. Он продолжил: Аманта могла и ошибаться. Это юное исчадие света может сыграть негативную роль в становлении наших душ в час расплаты со Всевышним.

После этих слов Аманта, держа одной рукой девочку, второй с размаху ударила старика по лицу. Сделав оборот на 180 градусов, старик упал, лицом уткнувшись в шкуру недавно убитой собаки.

— Не смей, Вунсолай, порочить мои сны, яркие, как северное арктическое сияние, и четкие, как очертания креста на братской могиле. Вними же словам моим, верховной жрицы Аманты!.. — после сказанного женщина маленькими шагами направилась в комнату, два других жителя уступили ей дорогу. Дед покорно встал на колени и поклонился вслед Аманте.

Роза проснулась через шесть часов, вероятнее всего, от вони непонятной природы и происхождения. По всей видимости, в квартире давно между собой смешались запахи гниющего мяса, немытого неделями пота и годами неубранной грязи. На деревянном стуле перед ней сидела Аманта.

- Я рада, что ты проснулась, девочка, коротко и все тем же низким голосом произнесла некрасивая полная женщина. Сердцебиение Розы ускорилось в несколько раз, а на лбу показалась довольно заметная блестящая испарина.
- Что вам от меня нужно, тетенька?! сказала испуганная девочка, сжав от безысходности в руках старую подушку, в результате чего из той посыпались перья. Роза не придала этому значения, уставившись взглядом в лицо Аманты, которое, как казалось девочке, излучало килогерцы темной энергии.

Аманта протянула руки к девочке, закрыв глаза. Роза, вероятно, почувствовав какое-то притяжение, церимониально взяла ее за ладони, и Аманта помогла ей встать на ноги.

— Пошли за мной, дитя... Вечернее причастие ждет нас в эти мгновения.

В ответ Роза покорно встала и, ступив на этот раз на пыльный и загаженный странными липкими пятнами пол, пошла вперед, поравнявшись с Амантой, взяв ее за руку и почти не чувствуя вони, которая сквозняками перемещалась по комнате.

- Почему тут так воняет? уже скорее от любопытства, нежели от отвращения, спросила любопытная девочка.
- Это нечистый дух, моя дорогая. Он хранит покой этого сакрального места.

Когда они зашли на кухню, Роза увидела трех других

обитателей странной квартиры.

- Меня зовут Вунсолай... произнес старик, поднявшись первым. Сложив ладони вместе, он слегка поклонился девочке, закрыв глаза.
- Имя мое Иуда, в честь Искариота, прошу заметить... произнес мужчина в тельняшке. Сложив ладони вместе, он слегка поклонился девочке, закрыв глаза.
- А я безымянный. Так и зови меня Безымянный, произнес худощавый последним. Сложив ладони вместе, он слегка поклонился девочке, закрыв глаза.
- Мое имя, юное дитя, тебе известно... сказала Аманта и села за стол, посадив Розу на колени.

Сейчас у девочки появился шанс оглядеться по сторонам. В углу стояла плита, рядом с ней — раковина. Обоев не было, только голые серые стены, исписанные странными буквами и символами. Посередине был круглый стол и несколько стульев. Собственно, тут они и осели. Осмотр кухни прервал Безымянный. Он встал, громко отодвинув стул, и взял большую стеклянную чашу, стоящую рядом с раковиной. Поставив ее на стол, полошел к плите.

— А теперь время принести жертву во имя Апокалипсиса и несущего его сосуда сосредоточения невинности и непорочности будущего видения мира... — говоря эти слова, он пристально смотрел на Розу, благодаря чему вновь вызвал в ней первобытное чувство страха.

Потом Безымянный резко открыл духовку и достал оттуда невесть откуда взявшегося полосатого кота, вероятно, такого же напуганного и затравленного, как и большинство жителей небезызвестной тоталитарной республики. Взяв его за шкирку, худощавый подошел к столу. Кот на вытянутой руке висел над самой чашей. Роза, вероятно, догадываясь, что сейчас произойдет, ладошками закрыла рот, чтобы не вскрикнуть. Безымян-

ный взял большой кухонный нож и резким отточенным движением вспорол глотку животного, кровь тонкой струей полилась в чашу. От ужаса Роза вновь потеряла сознание. Девочка не видела, как члены общины начали вымазывать свои лица кровью, жадно облизывая губы и растирая ладонями свои грязные и липкие тела. Не увидела Роза и оргии, которая началась по прошествии нескольких минут.

* * *

Маменька, как только пришла с утомительной заводской смены, сразу почуяла неладное: Розочки нигде не было. Не было и записки возле зеркала, но портфель с нарисованным на нем Чебурашкой аккуратно лежал на кресле. Значит, Роза пришла со школы, кинула портфель и пошла за молоком. Взволнованная маменька побежала к холодильнику. Открыв дверь, она еще больше испугалась: там был кусок ливерной колбасы, трехлитровая банка с замаринованной в домашних условиях селедкой — но молока не было. Взволнованная женщина кинулась в подъезд опрашивать жителей и искать доченьку. Обычно свидетелями всего, что происходило, были дежурные бабушки, восседавшие на деревянных лавках и способные воспроизвести в архивах своей памяти любые детали.

Но ни Федотовна, ни Авдотьевна, ни Карповна не видели стремительно бегущую в продуктовый магазин Розу.

Отчаявшись, маменька вернулась домой, чтобы звонить в милицию. Минуя лестничные пролеты на третьем этаже, ее привлекла скомканная бумажка, и в это самое мгновение сердце маменьки кольнуло — тот самый листик, на котором было написано послание о покупке молока! Перед ее взором предстала шестьдесят

девятая квартира — та самая печально известная квартира странной общины. Маменька несколько раз постучала в дверь и позвонила. Хотя изнутри слышалось какое-то шебуршание и шаги, но никто не открывал и даже не спросил «кто там».

В это самое время на балкон с мегафоном вышел престарелый Вунсолай. Случайные прохожие и вовсе бы не обратили на него внимания, если бы не речи, которые он начал читать. Они заставляли прислушаться каждого человека, который проходил мимо просто так или, например, выгуливая собаку.

- Люди! Час настал проститься с этим греховным моментом вашего существования. Небогоугодные твари должны приготовиться к расплате за свои проделки мирские! Да пребудет с вами святое веяние вселенского Апокалипсиса! голубоглазый старик читал проповеди до тех пор, пока к подъезду не подъехала милиция. В этот самый момент его охватила настоящая истерика.
- Вот они, слуги Дьявола, что пытаются помешать нашей миссионерской деятельности в пограничных мирах! Сера! Сера! дверь на балкон закрылась, а Розина мама тем временем встречала двух людей в форме, на ходу пытаясь им объяснить, что дочку ее похитили, скорее всего, странные люди с третьего этажа. Кое-как выслушав доводы испуганной женщины, милиционеры поднялись на третий этаж, но им никто не открыл. За дверью лишь слышались какие-то странные речи, плавно перетекающие в песнопения.

Один из сотрудников приготовился выбивать дверь. С разбегу он несколько раз ударил по ней плечом, и в следующие мгновения дверь затрещала и поддалась. Оказавшись в квартире, милиционеры первым делом обратили внимание на вездесущую вонь и ковровое покрытие из останков братьев наших меньших. Предва-

рительно сняв оружие с предохранителя, они зашли в комнату.

В зале их взору предстала следующая картина: в центре комнаты на стуле замотанная в белую занавеску стояла девочка, вокруг нее лежали трупы четырех жителей общины. Как показало следствие, они сами себе перерезали глотки старыми кухонными ножами — оттого весь пол был залит еще теплой кровью. Роза стояла на стуле и молча смотрела на милиционеров. Один из сотрудников подошел к ней, чтобы взять на руки, она обняла его за шею и тихо прошептала: «Теперь они спасены».

Вернув дочку маме и составив протоколы, милиционеры ушли, оставив уйму работы следователям и криминалистам.

А Роза с тех пор несколько замкнулась и редко общалась со своими сверстниками. Бывало, она все же пыталась рассказать им о порочности этого мира, но те лишь отмахивались и просили «не грузить их всяческой ерундой».

Случай на лекции

Постепенно поточная аудитория заполнялась студентами. Парни и девушки усаживались за разрисованные нецензурщиной парты, болтали о чем-то между собой и наполняли помещение единым гулом молодости.

Тишина наступила, как только преподаватель зашел в аудиторию. Нарочито громко хлопнув дверью, он обратил на себя внимание учащейся молодежи. Тут же все встали и замерли в ожидании.

- Так-то лучше... удовлетворенно произнес Павел Степанович и подошел к кафедре, установленной прямо на столе. Затем он махнул рукой, и с грохотом все уселись за парты. Один из студентов что-то прошептал своему товарищу.
- Сергиенко, пошел вон из аудитории! истошно рявкнул Павел Степанович. Студент с виноватым видом тут же положил конспект в сумку и, спешно поднявшись, как можно тише направился к выходу. Сосед его смотрел в конспект и всем своим существом делал вид, что увлеченно готовится к началу лекции.

Павел Степанович слыл преподавателем строгим, а поэтому не терпел нарушения дисциплины на своих лекциях. Положив черный кожаный портфель рядом

с кафедрой, он достал ворох пожелтевших бумажек и, приподняв голову, сказал:

- Канторович!
- Я! сию же секунду с первого ряда вскочила кучерявая темноволосая девочка.
- Где я в прошлый раз остановился? спросил Павел Степанович. Девушка схватила конспект и судорожно принялась листать последнюю страницу. В это время преподаватель спокойно перекладывал свои бумажки.
- Вы... вы... рассказывали про операцию... Ой... девушка сглотнула тяжелый ком в горле и произнесла: Операция... немецкая операция «Вайс»...
- Хорошо... озадаченно сказал преподаватель и, надев очки, осмотрел лекционный зал. Все студенты сидели и смиренно пялились в конспекты, и лишь Канторович неподвижно стояла и виновато смотрела на преподавателя.
- Садись, Любочка, садись... сказал Павел Степанович и после фразы «итак, продолжим» принялся читать лекцию про подвиги польской армии в контексте спецкурса по второй мировой войне.
- Итак, значит, 1 сентября в 4:40 утра первый дивизион пикирующих бомбардировщиков имени Макса Иммельмана отправился бороздить воздушные пространства сраной «Ржечи Посполитой». Петров! рявкнул Павел Степанович, и тут же с грохотом где-то в середине аудитории вскочил заспанный молодой человек в круглых очках. Ну-ка скажи нам, из какого полка эти истребители?
- 76 полк люфтваффе, Павел Степанович. Под командованием Вальтера Зигеля... С первых дней наступления... Петров хотел было продолжить рассказ, но преподаватель грубо перебил его:
  - Достаточно, Петров! деловито произнес он и

молча неспешно принялся шагать по аудитории, рассматривая лица студентов. — Петров вот хороший студент, образцовый. Видно, что фашист, конечно, но это ему можно простить: он хотя бы свою точку зрения обосновать может. А ты что можешь, Володя? — Павел Степанович положил свою мозолистую руку на плечо белокурого студента в засаленном пиджаке.

Володя в ответ молчал. Задрав голову, он смотрел на Павла Степановича и в смятении хлопал глазами. Так и не дождавшись ответа, преподаватель лишь махнул на него рукой и вернулся на свое место за кафедрой.

- Значит, так. Все мы знаем, что перед польской кампанией немецкой армии Третий Рейх заключил с Советским Союзом ряд документов, по которым Польшу и ряд Прибалтийских государств поделили как панельных баб воротилы на мерседесах...
  - И ГАЗах! крикнул с места Петров.
- Да один х..й, на опелях тех же самых... сказал в ответ Павел Степанович и хотел было спросить, как назывался договор между Германией и СССР, как из зала показалась худенькая ручка Оли Евдокимовой.

Павел Степанович удивленно смотрел на Олю, некоторые студенты также обернулись. Странная девочка Оля знала наизусть все предметы, но каждый раз, когда ее вызывали отвечать, она запиналась, краснела и не могла связать даже нескольких слов. Кажется, за два курса учебы она впервые по своей воле протянула руку и была готова что-то сказать. И сейчас в глазах у Евдокимовой читалось, что она, явно, в теме и готова донести до Павла Степановича нечто удивительное.

Преподаватель глубоко вздохнул. Вздох его показался молчаливому заполненному залу каким-то зловещим сигналом, указывавшим на необратимость происходящего. Будто сам черт ворвался в пространство аудито-

рии и устами Евдокимовой начнет читать свои содомские проповеди.

— Что вы хотите, Ольга? — слегка заминаясь, произнес Павел Степанович. Студенты уловили в его голосе некую неуверенность. Будто этого момента он ждал очень долго и сейчас из университетского диктатора превратился в нерешительного аспиранта, который вотвот провалит защиту своей диссертации.

Оля встала, поправила свое платье бирюзового цвета и, собрав всю свою волю в один кулак, писклявым голосом громко сказала:

- Павел Степанович, кончайте мне в рот! в ответ Павел Степанович нахмурился и сделал вид, что не расслышал сказанную девушкой фразу.
- Простите? смущенно сказал Павел Степанович и покраснел.
- Кончайте мне в рот! практически закричала Оля. Казалось, что от натяжного ее крика подол платья слегка приподнялся, и сама она была готова сию же секунду взмыть к небесам.

Павел Степанович сложил все свои бумажки в картонную папку и, закрыв ее, завязал замыкающие шнурки бантиком. После он подошел к первому ряду, и, не спуская глаз со студентки, произнес:

- Евдокимова!
- Я! отозвалась Оля.
- Поворот налево! Девушка по-солдатски повернулась и, приняв стойку «смирно», ожидала дальнейших команд. Три шага вперед. Направо! Двадцать шагов вперед.

Слегка приглушенное цоканье ее каблуков со стершимися набойками будто отсчитывало мгновения до того часа, когда всем откроется какая-то архиважная истина.

Спустя минуту покорная Оля стояла перед своим преподавателем. Внезапно Павел Степанович поднял руку вверх и три раза щелкнул пальцами. Дверь в аудиторию распахнулась, и два крупногабаритных парня в черной форме и балаклавах внесли в аудиторию парту. Поставив ее прямо перед кафедрой, они взяли под руки покорную Олю.

- На стол! скомандовал Павел Степанович.
- Платье задрать! Трусы снять! каждая его команда неукоснительно выполнялась, и уже через несколько мгновений девушку уложили на изрисованную парту вниз животом. Студенческая аудитория в этот момент молча лицезрела розовые ягодицы красивой Олиной попы.

Павел Степанович снял с брюк толстый армейский ремень с тяжелой бронзовой бляхой, наполированной до блеска. Обмотав им предплечье, он размахнулся и со всей силы ударил пряжкой Олю по пятой точке. Раздался характерный глухой хлопок и Олин визг. На ягодице отпечаталась красная звезда, набухающая кровью.

И внезапно после первого удара все студенты встали и, вдохнув в едином порыве как можно больше воздуха, словно сошедший с ума хор, принялись петь гимн грядущей победы.

Хлопок, Визг.

Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой! С фашистской силой темною, с проклятою ордой!

Хлопок. Сотня глоток надрывалась. Павел Степанович покраснел, а Оля источала крик, едва слышимый на фоне голоса хора.

Пусть ярость благородная вскипает, как волна! Идет война народная, священная война...

Удары учащались, темп увеличивался. Парни в черной форме упали на пол и начали отжиматься с хлопком.

Дадим отпор душителям всех пламенных идей, Насильникам, грабителям, мучителям людей!...

На втором куплете удары стали беспорядочными и хаотическими, пение скатилось до ора, а два парня в черной форме лежа забились в конвульсиях. У одного из них изо рта пошла пена.

Студенты орали междометиями, Оля рычала, словно бешеная псина, а потный и раскрасневшийся Павел Степанович оставлял кроваво-красные звезды на ее ягодицах.

И тут Павел Степанович остановился. Аудитория замолчала. Парни в черной форме поднялись, один из них носовым платком вытирал пену с шеи и груди. Студенты уселись на свои места и уставились на Павла Степановича. Оля продолжала лежать на парте и, стиснув зубы, лишь легонько подвывала.

— На сегодня, пожалуй, хватит! — произнес строгим голосом преподаватель и, сложив все свои бумажки в кейс, покинул аудиторию.

Следом вышли парни в черной форме, сбросив Олю с парты. А потом и студенты табуном отправились бороздить коридоры высшего учебного заведения.

К лежащей Оле подошел молодой человек в сером вязаном свитере и толстых очках. Он положил потную ладонь на ее горячий лоб и сказал:

— Ты, несомненно, получишь красный диплом, дорогая наша Оля... — Опустив подол ее платья, он помог ей подняться на ноги.

Опираясь на молодого человека, Оля последней покинула лекцию.

168

